Прятки с тенью

Автор:
Наталья Александрова

Прятки с тенью

Наталья Николаевна Александрова

Роковой артефакт

В XVIII веке во Франции знатная авантюристка Жанна де Ламотт провернула дерзкую аферу – украла бриллиантовое ожерелье необычайной ценности и красоты, принадлежавшее королеве Марии-Антуанетте. По легенде, инсценировав свою смерть, де Ламотт поселилась в России, где и прожила до конца своих дней, однако уникальное ожерелье так и не было найдено. И вот уже более двухсот лет за ним охотятся сотни людей со всего мира.

В эту авантюру оказалась втянута и Жанна Окунева, обнаружившая в своем доме тайник, а вскоре подвергшаяся нападению грабителей. Впрочем, ожерелья в тайнике не оказалось – лишь старая тетрадь с пожелтевшими от времени страницами, исписанными выцветшими лиловыми чернилами. А что, если тетрадь и есть ключ к бесценному сокровищу?

Наталья Александрова

Прятки с тенью

© Н. Александрова, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Я открыла глаза и осторожно потянулась. Диван тотчас же откликнулся на это движение натужным скрипом. «Вроде бы матрац не пружинный, чему же там скрипеть?» – в который раз удивилась я, хотя дала себе слово больше никогда и ничему не удивляться. Особенно собственной глупости. Нет ей предела!

За окном вставал серенький рассвет, в комнате было полутемно. «Интересно, дали свет или нет?» – вяло подумала я и сообразила, что на самом деле мне это совершенно неинтересно. Вставать не хотелось – зачем? Мне некуда торопиться, никто меня не ждет – ни дома, ни на работе. Дома нету, работы нету, денег теперь тоже нету, в кошельке остались последние пятьсот рублей. Мама далеко, да у нас с ней в последнее время отношения испортились, как раз с тех пор, как я вышла замуж. Муж? Нет, об этом лучше не думать. Господи, какая же я дура!

С некоторых пор у меня вошло в привычку обзывать себя разными словами, которые, в общем, означают только одно: перед вами абсолютная клиническая идиотка. Без скидок на молодость и наивность. Я, конечно, не старуха, нет еще и тридцати, но и не пятнадцать лет. Пора бы и поумнеть, говорила мама два с половиной года назад, когда перед свадьбой я привезла к ней Генку для знакомства.

– Шалопай, – сказала мама, оглядев его с ног до головы, – нахал, врун и бездельник. Надо быть полной дурой, чтобы выйти за него замуж.

– Ты говоришь о моем будущем муже! – вспыхнула я. – Изволь выбирать выражения!

Надо сказать, что мама выражений не выбирала никогда. Однако в тот раз она поглядела на меня внимательно, как будто только сейчас разглядела, и сказала более мягко:

– Ну зачем он тебе? Ни денег с него, ни положения. Только заботы лишние.

– Я его люблю! – упрямо ответила я, потому что тогда, два с половиной года назад, все так и было.

– Живите так, – согласилась мама, – не записывайтесь. Если что – всегда сможешь его выгнать.

Разумеется, я маму не послушала. А зря, потому что она оказалась полностью права. Но поняла я это только две недели назад.

И снова, вспомнив про свое замужество, я начала подбирать синонимы к слову «дура». Все-таки какое-то занятие…

Значит, кретинка недоделанная, дебилка слюнявая, это все уже было, и не один раз… ага, в каком-то детском фильме… УО! Умственно отсталая! Вот-вот, это точно про меня, потому что только умственно отсталый человек мог позволить проделать с собой все то, что позволила я. И получается, что ничему-то жизнь меня не научила.

Потому что, когда я вернулась из проклятой Америки (чтоб весь этот континент провалился под землю в одночасье!), выяснилось, что мне негде жить. Квартиру я продала Генкиным родственникам, но об этом после, нет сил вспоминать. И родственники, которые две недели назад провожали меня с букетами, отчего-то выперли меня на лестницу и бросили вслед чемодан. Хотя, в общем, не имели на это права, поскольку не отдали мне еще все деньги.

Близких подруг у меня нет, Генка всех успешно отвадил, обратиться не к кому, так что я решила снять квартиру хотя бы на первое время. Но цены… Что-то приличное, не за чертой города, поблизости от метро мне явно было не потянуть. Компьютер я продала перед отъездом, так что искать в Интернете не могла. Разглядывая объявления на дощатом заборе какого-то долгостроя, я наткнулась на старушку. Точнее, это она робко тронула меня за руку.

– Девонька, тебе комнатку?

Старушка выглядела очень прилично – детское стеганое пальтецо, поношенное, но чистое, вязаный беретик, такого же цвета варежки. Глаза у старушки были голубые, как слегка увядшие васильки.

– Да мне бы квартиру… – протянула я, – только все дорого очень…

– Это точно, – она часто закивала головой, – квартиру – дорого очень, а у меня комнатка тут близко – и без соседей совсем.

– Как это – без соседей? – удивилась я.

– Знаешь что такое – коридорная система? – рассмеялась она. – Раньше, почитай, полстраны так жило… Ты не спеши отказываться, ты погляди сперва. За погляд-то денег не возьму! Я же вижу – устала ты, замучилась, тебе бы отдохнуть в тишине…

Ее голубые глаза смотрели так участливо, так искренне, что я согласилась.

Идти было и вправду недалеко, минут пятнадцать пешком. Бабуля успевала быстрее меня. По дороге она представилась Анной Викентьевной, отчего-то это старомодное отчество прибавило мне доверия и симпатии. Дом оказался небольшим, всего два этажа. Когда-то был он красивым, даже сейчас сквозь отбитую лепнину и осыпавшуюся штукатурку просматривались строгие пропорции. Вход в единственный подъезд был с улицы, а окна выходили в парк.

– Воздух свежий и тишина, летом птицы поют! – расписывала старушка. – Если бы не пенсия маленькая, то ни в жизнь бы не сдавала, сама бы здесь жила!

Подъезд был открыт, и какие-то смуглые молодые люди носили тюки и сумки. Один из них белозубо улыбнулся старушке и сказал что-то на своем языке.

– Молчи ты! – отмахнулась она. – Ты с ними не разговаривай! – обратилась она ко мне. – Они тут на первом этаже квартируют, а на второй не ходят, там дверь железная, полный порядок.

И верно, на площадке второго этажа была довольно новая железная дверь, выкрашенная рыжей неказистой краской. Анна Викентьевна отперла два замка, и мы вошли.

За дверью был длинный и абсолютно пустой коридор, покрытый серым вытертым, но чистым линолеумом, как в больнице. О том же напоминали двери вдоль коридора. Все они были закрыты, на самой ближней висел даже амбарный замок.

– Нам сюда, – старушка открыла следующую дверь.

Комната оказалась довольно большой и светлой – два окна и правда выходили в парк. Обставлена комната была скромно – стол, два стула, шкаф и диван, прикрытый аккуратно заштопанным пледом. Занавески на окнах просвечивали от старости, но топорщились бодро. Однако привлекла мое внимание печь. Она занимала весь угол напротив двери и была необыкновенная. Высокая, прямоугольная, от пола до потолка выложенная зеленоватыми изразцами. Я подошла ближе и погладила печь по холодному боку. Изразцы на ощупь были выпуклые, покрытые непонятным узором – не то растения, не то ягоды.

– От старого времени осталась, – обронила старушка, – пойдем удобства смотреть.

Кухня и удобства находились в конце коридора, это и называлось коридорной системой.

– Ну так что, подходит тебе? – спросила старушка, когда мы снова прошли в комнату.

Удобства, конечно, впечатляли, с другой стороны, старуха просила недорого.

– Только у меня условие, чтобы сразу вперед за полгода заплатить! – сказала она. – Я к сестре в деревню уезжаю, так чтобы потом жильцов не искать.

– Полгода? – ужаснулась я. – Нет, так долго я тут жить не собираюсь!

– Не загадывай, – протянула старуха строго, – кто знает, что будет? Значит, не хочешь? А так бы сразу и переехала…

Я представила, что сейчас откажусь и придется идти на вокзал за чемоданом, а потом думать о том, где ночевать. Прошлую ночь я провела в гостинице, содрали жуткие деньги.

Мы поторговались немного с Анной Викентьевной, и она согласилась на плату вперед за три месяца. Потом, удивляясь собственной предусмотрительности, я попросила показать документы. Старуха обидчиво поджала губы, но показала мне свидетельство о собственности на комнату и договор с агентством по найму квартир. Фамилия менеджера была Фокусов, Антон Фокусов. Я позвонила по

указанному телефону, и он подтвердил мне, что все в порядке, договор существует.

Я получила свою копию договора и ключи от комнаты и железной двери. Старушка пожелала мне спокойной ночи и выдала остатки заварки в большой железной банке и три куска сахару. В шкафу нашлось совсем ветхое, но чистое одеяло и одна простыня. Очевидно, в светлое время суток через нее можно было видеть деревья в парке, но сейчас было темно, и я решила не проверять. Прошло всего два дня с тех пор, как я прилетела, я так устала искать квартиру, что решила не ездить за чемоданом на вокзал, а заночевать прямо здесь. Напиться чаю с остатками сахара, да и заснуть. А с утра уж думать, как жить дальше, хорошо хоть проблема с жильем временно решена.

Я вышла и неуверенно зашагала по коридору. Нужно было пройти его весь, потом свернуть в крошечный такой проход, протиснуться мимо странного сооружения – не то бак железный, не то шкаф несгораемый, миновать узенькую дверь туалета, а там уж и кухня. И вот, когда я уже готова была свернуть, открылась ближайшая дверь и на пороге возникла странная личность.

Невысокого роста, какая-то скрюченная, одна нога вывернута пяткой наружу. Одет был человек в застиранную клетчатую рубаху и синие спортивные штаны, пузырившиеся на коленях. Лицо его… да, все же по лицу можно было предположить, что это мужчина, поскольку на левой щеке просматривалась небольшая чахлая растительность. С головы свисали жидкие космы, и в довершение всего правая щека была подвязана вылинявшим красным платком в горошек.

– Оп-па! – сказал он вместо приветствия. – А ты кто? – при этом левый глаз его подмигнул мне.

– Жанна, – ответила я машинально – когда мне задают вопросы, я сразу отвечаю, только потом думаю. Впрочем, как показали последние события, думать я вообще не умею.

– Стюардесса, что ли? – всерьез удивился он. – А самолет твой где?

– Я тут жить буду, – я решила сразу не обижаться, хотя натерпелась в детстве из-за своего имени, в школе только стюардессой и звали.

– Это где же ты жить намылилась? – теперь рот странной личности дернулся в сторону.

– Анна Викентьевна мне комнату сдала на три месяца, – строго сказала я.

– Чего? – он разинул рот. – Комнату сдала? На три месяца?

Он согнулся, хлопнул себя руками по коленям и захохотал, при этом повторяя: «Ой, не могу! Ой, помру! Ой, держите меня четверо!»

Я повернулась и хотела продолжить свой путь к кухне, но странный тип крикнул сквозь смех:

– Да погоди ты, чего скажу!

Под моим недоверчивым взглядом он снял свой платок и вытер выступившие от смеха слезы. Под платком ничего не оказалось – ни синяка, ни раны никакой, такая же клочковатая бороденка.

– Напарила тебя старуха, – серьезно сказал он, – развела на деньги.

– Это как? – я отступила от него к стене.

– Дом-то этот расселен уже, – пояснил он, – оттого и все комнаты пустые. Кто здесь прописан, тому другую площадь дали, а этот вроде сносить собрались. Старуха напоследок решила деньжонок срубить. Сколько она с тебя взяла-то?

– По две с половиной тыщи за три месяца… – помертвевшими губами ответила я, как уже говорилось, я обычно сразу отвечаю на поставленный вопрос.

– Ну вот, – он снова заржал, – хорошая прибавка к пенсии. А ты небось оттого и польстилась на хоромы, что так дешево? Эта Викентьевна – та еще пройда, я уж знаю!

– А ты сам-то что тут живешь, и в новую квартиру не переезжаешь? – спросила я.

И тут же получила исчерпывающий ответ:

– А тебе какое дело?

Я развернулась и побежала в комнату, где схватила подписанный мною и старухой договор, там внизу был записан номер телефона. Мобильного кстати. И естественно, телефон ответил равнодушным женским голосом, что набранный мною номер не обслуживается.

Менеджер агентства недвижимости Антон Фокусов трубку взял, но слышно было очень плохо из-за громкой музыки. Он меня не понял или просто сделал вид.

– Черт знает что! – я в сердцах бросила аппарат.

– Не суетись, – примирительно заговорил сосед, притащившийся за мной, – может, и протянешь сколько-то времени. Главное – держись потверже, никого сюда не пускай.

И снова его левый глаз нахально подмигнул мне, а рот дернулся в сторону.

Мне вдруг стало так тошно, что хоть волком вой. Что со мной происходит? Отчего буквально за месяц моя более-менее налаженная жизнь покатилась под откос и я падаю все ниже и ниже? И нет никого рядом, кроме этого убогого… рот на сторону, нога выворочена, глаз дергается…

– Меня Федя зовут, – представился убогий, – а фамилия – Чемоданов. Соседями будем, значитца…

И тут погас свет.

– О! – вроде бы даже обрадовался Федя. – Они вечером всегда выключают, потому что на нас энергии не хватает. Не боись, у меня свечка есть!

Он презентовал мне огарок свечи и проводил на кухню. Газ, к счастью, не отключали, так что чаю мне выпить все же удалось.

Следующий день я потратила на то, чтобы привезти свои вещи из камеры хранения и купить кое-что из продуктов. Я несколько раз звонила Антону Фокусову и жаловалась ему на хитрую старуху, но он держался твердо – ничего, мол, не знаю, бабка предъявила свидетельство о собственности на комнату и паспорт, чего же еще-то… Куда она переехала, он понятия не имел и в качестве координат старухи дал мне все тот же номер мобильного телефона, который не обслуживался. Ищите в жилконторе, там должны быть сведения о выбывших жильцах, посоветовал Фокусов на прощанье.

Я долго искала жилконтору, а когда нашла, то ужаснулась, потому что там толклось огромное количество народа. И все ругались и орали. Пока я пролезала к нужной двери, у меня разрезали сумку и вытащили косметичку, которую на ощупь приняли за кошелек. Это оказалось гораздо хуже, потому что в кошельке-то лежало всего рублей семьсот, а оставшиеся деньги я положила в косметичку. Всего несколько тысяч, но они были последние… Я побоялась оставить деньги в комнате, и вот пожалуйста… Говорю же – дура полная!

Очередь возле двери ко мне сочувствия не проявила и в кабинет не пропустила, так что я отправилась обратно, ничего не добившись, да еще и лишившись последних денег и всей косметики.

Федя был дома, но в коридор не вышел, чему я была только рада. Я напилась крепкого чаю с бубликами, как раз успела до того, как свет выключили.

После чая снова нахлынула тоска, но если вы думаете, что я легла на диван, захлебываясь от рыданий, то глубоко ошибаетесь. Мы с моей матерью похожи только в одном – мы никогда не плачем. Ни от боли, ни от обиды, ни от тоски. И в детстве я тоже не плакала. Наверно, у нас просто нет слезных желез.

И вот я проснулась сегодня утром в чужой комнате, без работы, без денег, без необходимых вещей и без надежды это все получить в ближайшем будущем, и лежу, перебирая в памяти эпитеты, которыми можно наградить такую дуру, как я.

Сквозь неплотно задернутую занавеску мне виден далекий край неба. Судя по всему, солнца сегодня не будет, небо серое и унылое. Может, вам интересно, отчего я валяюсь на диване вместо того, чтобы срочно искать работу? Отвечу.

Институт в свое время я закончила, но образование не имеет к моей профессии никакого отношения. Работала я на телевидении ассистентом режиссера на шоу «Выбери меня!». Это когда мужчины и женщины выбирают себе пару из шести претендентов, а психолог и дама из брачного агентства рассказывают телезрителям, правильный ли они сделали выбор. На самом деле шоу, конечно, постановочное, вот за это я и отвечала. Работенка та еще, если какие-то накладки, то все шишки валятся на меня, если же передача прошла гладко, то про меня и не вспомнят. Платили, однако, неплохо, и с режиссером у меня были отношения нормальные.

До тех пор, пока я не сообщила, что увольняюсь и уезжаю в Штаты. Разумеется, я никого не посвящала в свои планы до самого конца, и уволилась, когда была уже продана квартира и куплены билеты на самолет. И конечно, режиссер дико разозлился, потому что в процессе работы брать в шоу нового человека очень неудобно. Он орал, что я должна была предупредить его заранее или вообще не увольняться до окончания шоу. Я не удержалась и высказалась в том смысле, что, может, шоу еще десять лет будет идти, что ж мне, так и ждать у моря погоды?

Как выяснилось, это я сказала зря, потому что секретарша начальника Вика сообщила мне в тот же день приватно, что шоу наше висит на волоске и вряд ли протянет до лета. Режиссер и так нервничает, а тут еще я уволилась. Тогда я только пожала плечами и спокойно выслушала его прощальные слова о том, что на нашем канале мне больше не работать, уж он за этим проследит. Не то что ассистентом режиссера в приличное шоу, девчонкой на побегушках не возьмут, кофе гостям подавать не доверят, буду проситься полы мести на телестудии – и то не примут! Да ради бога, хмыкнула я и закрыла за собой двери канала.

Так что сейчас туда нечего и соваться, все только позлорадствуют. Нужно сунуться на другие каналы, поискать по дальним знакомым. Но сейчас не хотелось вылезать из-под одеяла, потому что в комнате было прохладно.

Я лениво вспоминала, куда могла подеваться записная книжка с телефонами, и в это время раздался звонок.

Этот звонок так неожиданно вторгся в мои невеселые мысли, что в первый момент я растерялась и не поняла, что происходит. Я запахнула халат и выползла в коридор. В коридоре не было ни души, а холод стоял, как на Северном полюсе. Изо рта вырывалось белесое облачко дыхания.

В дверь продолжали звонить, а потом начали стучать.

Я добрела до двери и тусклым, несчастным голосом спросила:

– Кто здесь?

– Откройте! – отозвался из-за двери начальственный женский голос. – Откройте немедленно!

– Да кто это? – повторила я.

– Техник из жилконторы!

Я человек от природы законопослушный. Перед людьми, облеченными полномочиями, теряюсь и беспрекословно выполняю все их требования. Вот и сейчас я послушно скинула крюк, дернула заржавленную задвижку и открыла замок.

Дверь распахнулась, и в квартиру вдвинулась высокая женщина лет сорока в длинном пальто с внушительным песцовым воротником. У этой женщины все было как-то слишком: слишком пухлые губы, накрашенные слишком яркой помадой, слишком густые темные волосы, слишком темные брови, слишком пышный воротник, слишком крупный бюст, назойливо выпиравший даже сквозь пальто. Следом за ней шел небольшой невзрачный мужчина в надвинутой на глаза кепке, совершенно терявшийся в тени своей роскошной спутницы. В руке у него был чемоданчик, в каком сантехники и электрики носят свои инструменты.

Едва проникнув в квартиру, роскошная особа уставилась на меня обличающим взглядом и воскликнула:

– Почему не освобождаем помещение?

– Что? – растерянно переспросила я. – Чего вы от меня хотите?

– Чтобы вы незамедлительно покинули угрожаемый объект! Вообще, кто вы такая и на каком основании здесь находитесь?

– Я тут живу, – ответила я мрачно, и меня внезапно захлестнула злость. Надо же, даже это жуткое жилище у меня хотят отобрать! А мне куда же – на улицу?

– Я здесь живу и никуда отсюда не тронусь! – отрезала я как можно тверже, вспомнив, что сосед советовал держаться стойко. Стоять, в общем, насмерть, за нами Москва, они не пройдут и так далее.

Однако моя твердая позиция не произвела на женщину никакого впечатления. Она двинулась вперед, тесня меня к двери моей комнаты, и при этом продолжала вещать:

– Еще как тронетесь! Вы должны немедленно освободить эту жилплощадь!

– Да кто вы такая? – я пыталась удержать ее на пороге своей комнаты, не пустить ее внутрь.

– Я – техник жилконторы! – ответила женщина с необыкновенным апломбом, и через мое плечо заглянула в комнату.

При этом в ее глазах вспыхнул хищный огонек, как у кошки, которая заприметила посреди кухни легкомысленную мышь и уже приготовилась к прыжку.

Тут я увидела на столе бумагу, которую подписала жуликоватая старушка Анна Викентьевна, и сунула ее под нос незваной гостье:

– Вот видите? Я имею полное право жить здесь еще три месяца! Я все оплатила…

– Меня это не касается! – выдохнула тетка и попыталась вырвать у меня договор. – Вы должны освободить помещение в двадцать четыре часа, иначе я применю меры…

– И куда мне деваться? На улицу?

С этими словами я спрятала договор поглубже: в нем была моя единственная надежда не оказаться без крыши над головой.

Она уже открыла рот, чтобы что-то ответить, но тут за ее спиной раздался грохот, треск и топот, как будто по коридору неслось стадо обезумевших слонов. Тетка в песце попятилась и обернулась на шум, я, наоборот, шагнула вперед и прикрыла за собой дверь своей комнаты – так оно надежнее.

По коридору бежал Федя.

Но сегодня я едва узнала его: волосы стояли дыбом, из приоткрытого рта капала слюна, глаза были дико выпучены и вращались, как колеса буксующего мотоцикла, причем, мне показалось, в разные стороны. Федина неизменная рубаха была расхристана, пуговицы вырваны с мясом, но самое главное – в руке он держал топор и размахивал им, как ветряная мельница лопастями.

– А-а-а! – завопил Федя, приближаясь к нашим незваным гостям. – Не подходи! Всех зарублю! Всех, к чертям свинячьим, в капусту нашинкую! В капусту провансаль на салат, на винегрет!

– Это еще что такое? – проговорила женщина, заметно утратив свой апломб. – Это что за явление?

– Всех зарублю! – визжал Федор, неумолимо надвигаясь. – Вы не знаете Федора Чемоданова! Разделаю, как кроликов, и по частям спущу в канализацию!

Глаза у него вылезли еще сильнее, а зрачки закатились под лоб, так что теперь на нас глядели два пустых белесых бельма, что выглядело особенно страшно.

– Полицию вызвать? – проговорила я испуганно и тут же поняла, что сморозила глупость. Ну какая полиция? Ну кто сюда приедет? А если приедут, то к тому времени застанут только наши хладные трупы. Точнее, не трупы, а кусочки их. Потому что Федя – вот он, рядом. С топором наперевес. Так что запросто может нашинковать всех в капусту. И по моей невезучести начнет с меня…

Женщина в песце бросила на меня какой-то странный взгляд и отступила к входной двери. Сопровождающий мужичок не сделал попытки защититься и тоже двинулся за ней.

– Да кого хочешь зови! – крикнул Федор, наступая на них. – Плевал я на эту полицию! В гробу ее видал, с глазетом и кистями! Мне твоя полиция не указ! Мне человека зарубить ничего не стоит, и мне за это ничего не будет, у меня справка имеется, что я психический!

Он снова замахал топором.

Незваные гости выскользнули из квартиры, дверь за ними захлопнулась. Федор тут же накинул крюк, лязгнул задвижкой и повернулся ко мне.

– Ты что, совсем дура, да? – спокойно спросил он.

– Совсем… – согласилась я – что уж тут спорить?

– Говорил же, чтобы никого не впускать! – Федя шагнул в мою сторону с топором наперевес.

Я попятилась к своей двери, но ноги не держали меня от страха, и вместо того, чтобы скрыться в своей комнате, я сползла на пол.

Федор подскочил ко мне.

Я зажмурилась, ожидая удара топором, однако вместо этого услышала вполне человеческий голос:

– Тебе что, плохо? Водички, что ли, принести?

Я опасливо приоткрыла один глаз.

Федор стоял надо мной, топор все еще был у него в руке, но сам он больше не выглядел буйнопомешанным: глаза смотрели совершенно нормально, даже волосы сами собой пригладились, и выражение лица было вполне человеческое, только озабоченное.

– Так что, плохо тебе? – повторил он.

– Да нет, ничего, я просто испугалась… ты так топором размахивал… ужас какой!

– А что мне оставалось делать? – вместо озабоченного его лицо стало раздраженным. – Надо же было их из квартиры выставить. А топор… топор мне как раз под руку подвернулся, я дрова колол, печку топить собирался. А вот ты… – он нахмурился, – ты зачем их в квартиру пустила? Ты что, совсем ничего не соображаешь?

– Ну… растерялась… – вяло протянула я, опустив глаза. – А как их было не пустить?

– Молча! – отрезал Федор, и левый глаз его снова начал мигать. Но теперь меня это не пугало – пускай хоть обоими глазами мигает, только не закатывает.

– Но они стучали, звонили… она – техник из жилконторы… ее положено пускать…

– Что?! – глаза Федора полезли на лоб, и я испугалась, что у него снова начнется истерика, но на этот раз обошлось. Вместо истерики он помог мне встать и повел по коридору к окну, повторяя:

– Техник, говоришь, из жилконторы?

– Ну, так она сказала…

Федор подошел к окну, выходившему во двор. Собственно, это был не двор, а небольшое пространство между домом и парком. Прежние жильцы завалили это место разным хламом – старыми матрацами, ломаными колясками и другим мусором без названия. Федя раскрыл окно, высунулся наружу и окликнул кого-то:

– Зоя Иванна!

– Чего тебе, Чемоданов? – донесся с улицы недовольный женский голос.

– Вот это наш техник, – Федя повернулся ко мне и показал на коренастую женщину с толстыми, красными, как кирпич, щеками, которая стояла внизу рядом с робким дворником-гастарбайтером. – Зоя Ивановна в своем роде выдающаяся женщина, ее тут все уважают! Только предупреждаю – обращаться с ней следует осторожно. В больших дозах может быть опасна для здоровья.

– А кто же тогда была та женщина? – растерянно протянула я.

– Вопрос, конечно, интересный… – задумчиво протянул Федя.

– Чемоданов! – взревела тут Зоя Ивановна, заметив меня. – Это еще что такое? Это что за дела? Сам на птичьих правах в доме проживаешь, так еще и девку привел?

– Да как вы смеете! – я вдруг ужасно обиделась на «девку». – Я тут, между прочим…

И замолчала, потому что Федя очень чувствительно ткнул меня в бок.

– Зоя Иванна, а вы у себя когда будете? – Федя отодвинул меня от окна и перегнулся еще ниже.

– Когда надо, тогда и буду! – отрубила техник и пошла прочь, размахивая руками.

– А я тогда забегу к вам на минуточку, – вкрадчиво сказал Федя ей в спину.

Техник ничего не ответила, только выразила спиной все, что она о нас думает. Федя закрыл окно и посмотрел на меня.

– Хочешь здесь жить?

– Ну, не то чтобы очень хочу, – протянула я, – но деваться мне некуда. Денег больше нету.

– Тогда делай, что говорю! – сказал он. – Никого не впускай, ни с кем не заговаривай, проскочила быстро в дом – и все!

– Так если дом на снос пойдет, все равно выгонят… – уныло протянула я.

– Тут такое дело… – Федя оглянулся и потянул меня от окна, – дом-то хороший, каменный… Раньше умели строить. Опять же расположение… В общем, какому-то богатому человеку он понадобился. Уж не знаю, не то сам жить будет, не то бордель для богатых тут устроит… – Федя подмигнул по очереди обоими глазами. – Место тихое, уединенное. Самому расселять – замучаешься, вот он и сунул большому начальству на лапу, чтобы по-тихому дом расселить. А чтобы жилье давать поменьше да похуже, объявили дом аварийным и сказали, что пойдет он на снос. Ну, народ тут жил, сама понимаешь, небогатый, они и согласились. А местному начальству велели сидеть тихо и ни во что не вмешиваться. А кому охота смотреть, как денежки мимо уплывают? Вот они и злятся. Но молчат. Так что если с Зоей Ивановной по-хорошему, она не тронет.

Несмотря на то, что буквально час назад я называла себя полной идиоткой, сейчас все же догадалась, что Федя отстегивает технику малую толику денег, чтобы не наезжала и не шумела.

– У меня денег нету, – разозлилась я, – вчера в жилконторе последние уперли.

– Ладно… – Федя неопределенно махнул рукой и пошел к себе, – разберемся.

Я поглядела ему вслед. Однако убогий-то он убогий, но далеко не дурак. И тут же вздрогнула, вспомнив, как он бегал по коридору с топором. И глаза эти страшные, зрачки куда-то закатились, одни белки видно… Припадочный Федя, это точно. И надо от него держаться подальше.

День я провела в бесполезной беготне. С утра нашла в сумке завалявшуюся бумажку в сто долларов и решила, что потрачу ее на поиски работы. Ни с кем со своего прежнего канала связываться не стала, вызвонить удалось только троих знакомых.

Одна девица с Пятого канала сообщила, что там больше не работает, потому что вышла замуж, Вова Спицын с «Сотки» заорал, что у них сейчас такое положение, что постоянных сотрудников увольняют, а не то что новых брать, и встретиться со мной за ланчем согласилась только Танька Бочкина с «Канала-плюс». Я великодушно попросила ее выбрать кафе на свой вкус и опять-таки сделала

глупость, потому что Танька назначила мне встречу в новом итальянском ресторане. Туда, сказала она, мало кто пока ходит, поговорим спокойно.

Я пришла пораньше и сразу поняла, отчего в ресторане в обеденное время полно пустых мест: он оказался жутко дорогим. Зараза Танька решила развести меня на деньги. Вот интересно, что я ей плохого сделала? Вроде бы нигде мы не пересекались, ничего не делили, нормальные были отношения.

Танька жутко растолстела, так что вполне соответствовала своей фамилии. Я твердо посмотрела ей в глаза и положила на стол меню бизнес-ланча, который стоил в этом ресторане пятьсот рублей. По сравнению с другими дороговато, но ради работы я рискну.

– Как твои дела? – спросила Танька, и в круглых ее глазах отразилась я вся – поникшая и несчастная.

Поэтому врать я ей не стала, просто сказала, что с поездкой в Штаты ничего не получилось, не понравилось мне там, вот я и вернулась. И теперь ищу работу, потому что, сама понимаешь, на прежнее место меня не возьмут.

– Там вроде шоу твое закрывают… – протянула Танька, – но я вообще-то не в курсе.

Принесли суп-минестроне, на второе Танька выбрала спагетти карбонара, а я – салат с курицей. За едой она развлекала меня сплетнями из жизни их канала. Потом она заявила, что хочет кофе со взбитыми сливками и печеньем, мне тоже пришлось заказать чашечку эспрессо. И наконец, когда она демонстративно посмотрела на часы, я прямо спросила, есть ли у них место.

– Ну-у… – протянула Танька, – сама посуди. Сейчас в работе только три ток-шоу, канал у нас небольшой. Одно – кулинарное, там ведущий – повар, он условие поставил, что сам гостей отбирает, потому что все-таки готовить нужно, должны люди хоть немножко в этом понимать. Еще одно – юридическое, там свои порядки, и наше – называется «Ты – мне, я – тебе!». Ты, может, видела, на подиуме две группы, из каждой выбирают будто бы по жребию одного человека, и начинают они друг другу гадости говорить. То есть что у каждого плохо. Ну, к примеру, один говорит: у тебя нос длинный. А та ему в ответ: а у тебя плешь на затылке. Дальше – больше. Только сильно врать нельзя, то есть если у девицы

волосы хорошие, нельзя ей говорить, что они жиденькие, тут зрители определят заведомую ложь, и той группе насчитают минус. Опять-таки, если говорят одной, что у нее бюст парафиновый, а у нее все натуральное, то тоже минус сколько-то там очков засчитывают.

– Ну и ну… – вздохнула я.

– Между прочим, очень популярное шоу, – сказала Танька, – рейтинги хорошие.

– Ну, так есть у вас место? – оживилась я. – Мне бы хоть кем… на маленькую пока должность…

– Пока… – веско произнесла Танька, – в том-то и дело. Значит, возьмут тебя по моей рекомендации, а кем? Ты работала ассистентом режиссера, начнешь суетиться, высовываться, карьеру делать. Микрофоны подвязывать и девочка после школы сумеет! На этом шоу ассистент режиссера – я! Я что – на свое место тебя возьму, что ли? Нет уж, дорогая моя, я такой глупости не сделаю!

А зачем же тогда она приперлась ко мне на встречу? Голодная, что ли, совсем? По внешнему виду не скажешь…

Я уже открыла рот, чтобы высказать этой скотине Таньке все, что я о ней думаю, но что-то меня удержало. Вот ведь в свое время сожгла я за собой все мосты, поругалась с режиссером. Кто знает, если бы я тогда удержалась от едких слов, простилась бы со всеми по-хорошему, сейчас меня бы взяли хоть не на старое место, а куда-нибудь еще, хоть на маленькие деньги…

Вряд ли мне будет какая-либо польза от этой заразы Таньки, но тем не менее я пожелала ей подавиться, только мысленно.

Кофе Танька допила и сливки доела с большим удовольствием, кусок ей поперек горла не встал. Однако под моим взглядом она заерзала и пробормотала, отводя глаза, что совсем недавно организовался в городе новый канал, у них еще и названия нету, и телефонов она не знает, вот только адрес… она продиктовала мне адрес, было это где-то у черта на куличках.

– Спасибо, Таня, – сказала я бодро. – Желаю тебе дальнейших успехов в работе!

При взгляде на ее переваливающуюся пятую точку у меня улучшилось настроение. Но ненадолго. Потому что к моему столику подошла незнакомая женщина средних лет с выражением неуверенного интереса на лице.

– Извините, – проговорила эта незнакомка, вглядываясь в мое лицо. – Вы, случайно, не Жанна Кащеева?

Я подняла на нее удивленный взгляд.

Дело в том, что моя девичья фамилия действительно Кащеева. Но я эту свою фамилию не люблю. В детстве она доставила мне много неприятных минут. Вдобавок к такой фамилии, я еще была худая, как узник нацистского концлагеря. Буквально кожа да кости.

Как только меня не дразнили в школе! Кощей Бессмертный – это был самый безобидный вариант. Так что одной из причин моего раннего замужества было желание как можно скорее поменять фамилию, и напоминания о моей прежней фамилии не доставляли мне никакого удовольствия. Кроме того, в настоящий момент я не ждала от жизни никаких приятных сюрпризов и к любым неожиданностям относилась весьма настороженно.

– Ну, допустим, я Жанна, – проговорила я недоверчиво. – Только я давно уже замуж вышла, и теперь моя фамилия Окунева. А в чем, собственно, дело?

– Жанночка! – воскликнула незнакомка с непонятным оживлением и даже всплеснула руками. – Я тебя сразу узнала! Надо же, как ты мало изменилась!

С этими словами она уселась за мой стол. Без приглашения, между прочим.

– Извините, – я растерянно смотрела на незнакомку, безуспешно пытаясь ее вспомнить. – Кто вы? Мы раньше встречались?

– Нет, мы с тобой не встречались, – ответила она поспешно. – Я с твоей мамой училась в одной школе…

Видимо, на моем лице отразилось недоумение, потому что женщина принялась объяснять:

– Мы после школы очень часто встречались, на каждую годовщину выпуска, и Шурочка мне показывала твои фотографии, поэтому я тебя сразу узнала. И вообще, ты на нее очень похожа. Потом, правда, жизнь нас разбросала, последний раз встречались давно, двенадцать лет назад. Я уезжала надолго на Север, вместе с мужем. Как Шурочка живет? Надеюсь, у нее все в порядке?

– Ну да, более-менее… – пробормотала я, удивленно разглядывая незнакомку.

– Ах да, Жанночка, я забыла представиться, – продолжала она сыпать словами. – Меня зовут Анна, Анна Курочкина. В школе мы с Шурочкой, твоей мамой, очень дружили, но потом, сама понимаешь, жизнь долгая, она разбросала нас… А сейчас я переехала сюда, в Петербург. Один мой близкий друг создает здесь свой телевизионный канал, и он пригласил меня к себе заниматься кадрами. Дело в том, что я много лет занималась кадрами, у меня большой опыт… а ты, кстати, где работаешь?

– Работала на телевидении… – проговорила я неуверенно. – Помощником режиссера на одном ток-шоу. Но сейчас… сейчас я пока без работы.

– Да что ты говоришь? – она прямо засияла. – Так поехали прямо сейчас со мной, я тебя познакомлю со своим другом. Не сомневаюсь, он тебя охотно возьмет! Ему нужны люди с опытом работы на телевидении! Надо же, какой удачный случай!

Это было то, что называется – на ловца и зверь бежит. Я уже отчаялась найти работу, перебрала все варианты и поняла, что ничего подходящего не найду, – и вдруг такая встреча!

Однако я почему-то ничуть не обрадовалась.

Я быстро взглянула на нее, снова опустила глаза и спросила как бы между прочим:

– А во Владимире вы часто бываете?

– Да нет, почти сразу после окончания школы я оттуда уехала. Но на каждую годовщину непременно приезжала, пока не уехала на Север с мужем… ну, я тебе об этом говорила! Ну так что – поехали прямо сейчас, я тебя познакомлю

с Николаем Васильевичем. Это тот мой друг, который организует канал. У меня тут машина… – она показала на темно-синюю иномарку, стоявшую возле входа в кафе.

– Извините, Анна, – проговорила я унылым голосом. – Сейчас я никак не могу. У меня важная встреча.

– Важная встреча? – она явно расстроилась. – Да отмени ты эту встречу! Такой случай нельзя упускать! Поехали, ты не пожалеешь! Николай Васильевич…

Она поднялась и взглядом и жестами приглашала меня последовать за собой. Но я не пошевелилась.

– Да что же ты, Жанночка?! – в голосе Анны послышалось нетерпение. – Разве можно терять такой шанс?

– Извините, но я правда не могу, – твердо ответила я. – Может быть, в другой раз. Оставьте мне свой телефон…

– Ну, как знаешь… – протянула она с явным раздражением. – Не понимаю я тебя. Подвернулся такой случай, а ты его упускаешь… потом ведь жалеть будешь!

– Так вы оставите свой телефон? – повторила я.

– А, ну да, телефон… конечно… – она взяла со стола салфетку и нацарапала на нем семизначный номер. – Ну ладно, – добавила, взглянув на часы. – Мне пора ехать, Николай Васильевич ждет. Так ты точно не передумаешь?

Теперь в ее лице и голосе не было прежней сердечности.

Я покачала головой.

Она пожала плечами и быстро покинула кафе.

А я сидела, глядя прямо перед собой, и думала – не сошла ли я с ума? В таком безвыходном положении, как мое, надо хвататься за любую работу, бежать за ней сломя голову, а тут мне буквально на блюдечке предлагают работу по

специальности – и я, вместо того чтобы с благодарностью принять ее, отказываюсь!..

Но дело тут далеко не такое простое, каким оно кажется на первый взгляд.

Эта самая Анна Курочкина показалась мне очень подозрительной. Начать с того, что она несколько раз назвала мою маму Шурочкой. Маму мою действительно зовут Александрой, но имя Шура ей никогда не нравилось, и никто ее так не называл. Все друзья и знакомые называли ее либо полным именем, либо Сашей.

Далее, эта Анна сказала, что узнала меня по фотографиям, которые показывала ей мама много лет назад. Ну, во?первых, узнать человека, которого видел только на фотографиях, вообще сложно, а уж в моем случае… дело в том, что в детстве и юности я была ужасно тощая, просто ходячий скелет. И как раз лет двенадцать назад резко изменилась, поправилась и похорошела. Так что узнать меня по старым фотографиям не то что сложно – это просто нереально.

Эти нестыковки меня насторожили, и я решила запустить пробный шар: спросила Анну насчет Владимира. И она мою наживку проглотила, подтвердила, что именно в этом старинном городе училась с моей мамой в школе.

И тем самым доказала, что весь ее рассказ – откровенное вранье.

Дело в том, что мама действительно родилась во Владимире, но отец ее был военный, они постоянно переезжали, в школу мама поступила в Твери, а закончила ее в Иванове, где потом и осталась. Так что Владимир тут совершенно ни при чем.

Значит, эта Анна (если она и правда Анна) все мне наврала, и в школе с моей мамой она не училась… она где-то сумела ознакомиться с маминими анкетными данными, и с моими кстати, знала мамино имя, знала, что она родилась во Владимире, знала, что я работала на телевидении, а сейчас ищу работу…

Но зачем ей это все понадобилось? Зачем ей нужно было, чтобы я с ней куда-то поехала?

На этот вопрос у меня не было ответа.

И вообще, не схожу ли я с ума? Не начинается ли у меня мания преследования? Кому, ну кому я могу понадобиться? Понадобиться до такой степени, чтобы устроить весь этот спектакль?

Нет, наверняка я все это насочиняла! Ну, может, женщина неправильно меня поняла, может, она, как и мама, родом из Владимира, а в школе училась в Твери…

Я уже ругала себя последними словами за то, что упустила такой прекрасный шанс, который прямо шел ко мне в руки.

Но почему упустила? Вот же номер телефона, который мне оставила Анна!

Я набрала номер, записанный на салфетке.

И тут же голос автоответчика сообщил мне, что набранный мной номер не существует.

Значит, я ничего не выдумала: эта Анна – никакая не Анна, и уж в любом случае не одноклассница моей матери. Она подходила ко мне с какой-то непонятной и явно недоброй целью…

Когда ехала обратно в маршрутке, я опять погрузилась в черную тоску.

«Куда ни кинь, везде клин!» – говорила когда-то мама.

Впрочем, говорила она такое достаточно редко. Она растила меня одна и привыкла не ныть и не жаловаться, а преодолевать трудности самостоятельно. Но у меня ведь не временные трудности, а полная катастрофа. Так отчего же я не обращаюсь к маме? Хоть выговориться родному человеку, поплакать на груди… Так отчего же я не бросила все и не улетела к родным осинам?

Ну, во?первых, у меня нет денег на билет. Но это не главное, потому что можно, в конце концов, заложить пару колец и сережки. Во-вторых, как я уже говорила, мы с мамой никогда не плачем. А третья причина, и самая главная, заключается в квартире.

Если мама узнает, что я потеряла квартиру, которую она с огромным трудом купила мне после окончания института, то она просто задушит меня собственными руками. И правильно, кстати, сделает, но мне-то от этого не легче.

Мама много лет проработала на ситценабивной фабрике начальником цеха. Фабрика после перестройки не умерла, а, напротив, стала расширять производство – белье постельное всем нужно. Мама работала в три смены, прихватывала выходные, продала дом в деревне, оставшийся нам от бабушки, влезла в долги, но сумела преподнести мне к диплому подарок – крошечную квартирку с совмещенным санузлом, но зато отдельную. Свою собственную жилплощадь.

Когда я закончила ремонт и пригласила ее приехать посмотреть, впервые в жизни видела, как мама прослезилась. Так что если сейчас я приеду к ней и скажу, что потеряла квартиру, причем исключительно по собственной дурости, я просто не знаю, что она сделает!

В одном старом фильме я слышала фразу: если человек глуп, то это надолго. От себя могу добавить, что если человек идиот, то это навсегда. Грустно, но факт.

Когда я впервые поняла, что я – полная идиотка? То есть, наверное, была ею всегда, только ощутила это, когда прилетела в Штаты.

В первое время, когда поженились, мы с Генкой жили неплохо. Я работала на телевидении, тогда еще в другой передаче, он тоже где-то что-то делал. Не очень хорошо у него получалось, денег было маловато, но я, влюбленная дура, принимала за чистую монету все его разговоры о том, что в нашей стране трудно заниматься бизнесом, а на государственной службе все только и думают о карьере и никто – о деле.

Говорить Генка умел, я заслушивалась. Завораживал он меня, влюбленную дуру, своими разговорами. Ни на одной работе он долго не задерживался, говорил, что, пока молодой, хочет попробовать себя на разных поприщах. И как-то вдруг заговорил о том, чтобы уехать в Штаты. Дескать, тут у него ничего не получается по объективным причинам. Если работать по найму, то начальник обязательно дурак и глушит всяческую инициативу. А на то, чтобы как следует раскрутиться в бизнесе, у него не хватает начального капитала.

Такие разговоры он вел несколько месяцев. Вначале я стойко сопротивлялась, возражала, мы ссорились. Потихоньку я привыкла, тем более что Генка уволился с работы и часами торчал «ВКонтакте». Денег стало маловато. В конце концов Генка показал мне письмо своей бывшей одноклассницы, которая уехала в Штаты три года назад. Письмо было приветливое, но короткое, у нас как раз запускали новое шоу, так что я позабыла про это письмо через два дня.

Через месяц Генка поставил меня перед фактом – он едет. Пока просто посмотреть, сказал он, прикинуть. Хотя эта его знакомая обещает свести с нужными людьми, устроить на работу. С языком у этого паршивца было неплохо – закончил в свое время английскую школу. И улетел, забрав с собой все деньги, отложенные мной на отпуск и на черный день. В промежутках между работой я скучала. Генка слал восторженные имейлы и эсэмэски. По ним выходило, что в Америке все дешево, жить можно прекрасно и условия для бизнеса исключительные. Работу мне он найдет в два счета. Так что я должна только заняться английским. И когда я написала ему, что приеду хотя бы в отпуск, он удвоил усилия и убедил меня продать квартиру и приезжать насовсем. Дескать, у него готов уже окончательный бизнес-план, и знающие люди сказали, что это беспроигрышный вариант, но кредита в банке Генке не дадут, потому что он эмигрант. А если будет начальный капитал, то дело пойдет как по маслу.

Что заставило меня согласиться на эту авантюру? Наверно, я боялась принять окончательное решение. Потому что понимала, что Генка сюда не вернется и тогда получится, что у меня больше нет мужа. К этой мысли следовало привыкнуть, а я не могла. Скучала по нему, любила еще тогда… В общем, упорно отгоняла от себя все плохие мысли. Зарывала голову в песок, как страус.

Короче, я нашла трехмесячные курсы разговорного английского и занялась продажей квартиры, Генка же порекомендовал мне свою дальнюю родственницу, которая работала риелтором. Она-то быстро разобралась в ситуации и поняла, что объехать меня на кривой козе не составит труда. Якобы для скорости она предложила мне вариант цепочки – она продает свою двухкомнатную и мою однушку и покупает хорошую трешку, как раз сейчас есть вариант. Денег в договоре указываем вполовину меньше, остальное они отдадут мне наличностью, а пока за это пропишут меня в своей трешке. Так мы и сделали, я еще радовалась, что родственники не обманут, и, разумеется, не взяла с этой бабы никакой расписки. Если человек идиот, то… ну, вы знаете, как там дальше.

В общем, я уволилась с работы и полетела в Штаты, не сообщив об этом маме. Как оказалось, это был мой единственный более-менее умный поступок, хоть она сейчас живет и работает спокойно.

Оказавшись в аэропорту Нью-Йорка, знаменитом аэропорту имени Джона Кеннеди, я совершенно растерялась от обрушившегося на меня многоязычного гула, от снующих в разные стороны толп. Белые, черные, желтые люди спешили по своим делам, разговаривали на сотнях разных языков, из которых я не понимала ни слова. Впрочем, я была в таком состоянии, что, наверное, не поняла бы, даже если бы со мной заговорили по-русски.

Пройдя паспортный контроль и получив багаж, я остановилась в растерянности.

Мужа не было, никто меня не встречал. Все пассажиры моего самолета моментально рассосались, и я осталась совершенно одна в этом многолюдном человеческом муравейнике.

Я постояла десять, двадцать минут, все еще надеясь, что Генка появится, но с каждой минутой эти надежды таяли. Про себя я помянула его недобрым словом. Понимает же, каково мне стоять тут… хотя, может быть, у него что-то случилось и он просто не смог приехать.

Видимо, на моем лице отразилось охватившее меня отчаяние, потому что подошла девушка в униформе и что-то сочувственно спросила по-английски.

Надо сказать, что после курсов английского языка я воображала, что понимаю разговорную речь и даже могу кое-как объясниться. Но из того, что сказала мне девушка, я не поняла ни слова. Я даже подумала, что она говорит не по-английски, а на каком-то другом языке.

Видимо, увидев на моем лице растерянность, девушка повторила все еще раз, гораздо медленнее и отчетливее, и на этот раз я поняла хотя бы несколько слов и скорее догадалась, что она спрашивает, чем может мне помочь.

Тут я, к счастью, сообразила, что полагаться на мой разговорный английский не стоит, и просто протянула бумажку, на которой был написан адрес Генкиной квартиры, который я в последнем припадке благоразумия все же сумела у него

выяснить.

Девушка оживилась, снова посыпала словами, но тут опять осознала, что я ничего не понимаю, и медленно, отчетливо проговорила:

– Эйр трейн, Ямайка! Ямайка!

Тут я совершенно растерялась: при чем тут Ямайка? Я вовсе не собиралась лететь на этот остров!

Но девушка взяла меня за руку и подвела к указателю, на котором было написано: «Эйр трейн».

Я послушалась, пошла в указанном направлении и очень скоро оказалась в поезде, который курсирует между терминалами аэропорта. Из надписей в этом поезде я выяснила, что Ямайка, о которой говорила сердобольная девушка, – это вовсе не тропический остров, а станция этого самого поезда.

Дальнейшее путешествие я помню очень смутно. Еще несколько раз я пересаживалась, оказалась в метро, которое, кстати, не произвело на меня впечатления, и наконец вышла из поезда в унылом и непривлекательном районе, застроенном домами из мрачного темно-красного кирпича.

Навстречу медленно, нога за ногу, брел местный житель. Это был, как принято теперь говорить, афроамериканец лет двадцати пяти, и его лицо не светилось добродушием и сочувствием к растерянной иностранке, поэтому я не стала его ни о чем спрашивать, а поскорее прошла мимо, сделав вид, что прекрасно знаю, куда идти.

На углу улицы смуглый мужчина торговал с лотка овощами и фруктами. Он показался мне более дружелюбным, я подошла и показала ему свою бумажку с адресом.

В ответ продавец разразился длиннейшей, совершенно непонятной тирадой, но, к счастью, в конце ее ткнул пальцем в сторону одного из красно-кирпичных домов.

Я подошла к этому дому.

Вход в него был на уровне второго этажа, так что сначала нужно было подняться по прилепившейся к стене железной лестнице. На этой лестнице сидел смуглый человек с косичками-дредами и курил толстую самокрутку. Я робко поднялась по лестнице, поравнялась с курильщиком и осторожно перешагнула через него. Он ничего не сказал, но взглянул на меня с какой-то равнодушной отстраненностью. Почему-то мне стало страшно.

Тем не менее я взяла себя в руки, поднялась до двери не оборачиваясь, и вошла в дом.

Лифта здесь, конечно, не было.

К счастью, нужная квартира была на третьем этаже, так что я кое-как дотащилась до нее, шлепнула чемодан на пол и позвонила в дверь.

То есть я только нажала на кнопку звонка, но никакого звука не раздалось. Точнее, из-за двери доносились какие-то невнятные и очень громкие звуки, но к дверному звонку они отношения не имели. Приглядевшись, я увидела, что провод звонка оборван.

Тогда я решила постучать, но дверь была обита каким-то синтетическим войлоком, так что стук вышел почти беззвучным. Во всяком случае, он не перекрыл доносящийся из квартиры шум. Но зато, пытаясь постучать, я поняла, что дверь не заперта.

Тогда, отбросив сомнения, я толкнула ее и вошла в прихожую.

Прихожая была крошечная, чисто символическая, и прямо от двери я увидела захламленную комнату. И в этой комнате на низком продавленном диване сидел мой муж Генка в драных джинсовых шортах и линялой футболке. В руке у него была открытая бутылка пива, и он пялился в экран телевизора, по которому носились с мячом здоровенные обалдуи в бейсбольной форме.

Тут меня наконец прорвало.

– Сидишь, телевизор смотришь?! – выкрикнула я незнакомым визгливым голосом. – А встретить меня ты не мог? Ты представляешь, с каким трудом я тебя нашла?

От неожиданности он выронил бутылку, повернулся ко мне, и на его лице заиграла растерянная и одновременно наглая улыбка.

– О, Жанночка приехала! – протянул он, поднимаясь с дивана. – Молодец, быстро добралась! А я тут, понимаешь, матч смотрю… сегодня «Янки» играют, такой матч важный, никак нельзя пропустить…

– Матч важный? – повторила я, теряясь от такой наглости. – Матч тебе важный, а что жена приехала – это так, ерунда? Да ты же знаешь, что я по-английски почти ни слова…

– А вот это плохо, – он нахмурился, с осуждением взглянул на меня. – Английским тебе надо заниматься, без языка здесь трудно…

– Мы что, сейчас будем мой английский обсуждать? – протянула я. – Я полмира пролетела, потом через весь город сюда тащилась, еле на ногах стою…

– Ой, Жанночка, правда, – засуетился он. – Что ж ты стоишь, садись вот сюда, отдохни… пива хочешь?

– Пива? – переспросила я, едва сдерживаясь, чтобы не разреветься. – Какое пиво? Ты бы для начала ящик этот выключил!

– Выключить? – он открыл рот, снова закрыл, захлопал глазами. – Такой матч важный, «Янки» с «Крыльями» играют…

Однако все же сделал звук потише, расчистил мне место на диване.

И только было я собралась рухнуть на этот диван, как дверь за моей спиной хлопнула и раздался скрипучий неприязненный голос:

– А это еще кто такая?

Я обернулась.

В прихожей стояла крашеная блондинка в короткой юбке и оранжевом обтягивающем свитере. На лице у нее было килограмма два косметики и столько же злости.

– Стоит мне на пять минут выйти из дома, как у тебя уже появляется какая-то выдра, – процедила эта блондинка, глядя мимо меня на Генку.

Этот мерзавец вскочил, бросился навстречу этой блондинке и залебезил:

– Алисочка, ты все неправильно поняла… это совсем не то, что ты думаешь…

Тут уже я не выдержала:

– Одну минуточку! В чем дело? Я, между прочим, его законная жена, прилетела к собственному мужу через полмира, и что я здесь вижу? Какая-то крашеная швабра заваливается сюда, как к себе домой…

Договорить мне не удалось. По части скандалов эта блондинка была настоящей профи, мне до нее далеко, как до звезд. Она оттолкнула Генку, встала передо мной, уперев руки в бока, и выпалила базарным истеричным голосом:

– Как к себе домой? Это, между прочим, и есть мой собственный дом! Моя собственная квартира! Жена! Надо же! – она презрительно фыркнула. – Это ты там, у себя, в своем Подзаборске, жена, а здесь ты никто, и звать тебя никак!

– Что? – возмущенно перебила я ее. – Это ты, может быть, из Подзаборска, а я из Петербурга!.. Чувствуешь разницу?

– С чем тебя и поздравляю! Ты еще скажи, что твой Петербург – культурная столица! – она сделала неприличный жест и продолжила: – Вот и выметайся в свой Петербург! Тебя сюда никто не звал!

– Геннадий, – в последней надежде я повернулась к мужу, – что здесь происходит? Почему ты позволяешь этой дряни оскорблять твою жену? Ведь это ты вызвал меня!

Генка вертелся между нами, как карась на сковородке, но Алису он явно боялся куда больше, чем меня. Он отступил к ней и заискивающим тоном проговорил:

– Солнышко, ну не волнуйся так, мы что-нибудь придумаем!

– Ничего я не собираюсь придумывать! – отрезала Алиса. – Я хочу, чтобы через пять минут этой мерзавки здесь не было!

– То есть как? – пролепетала я.

В ушах у меня стоял звон после перелета, голова была чугунная от смены часовых поясов, в самолете я не могла заснуть, а сейчас неумолимо тянуло в сон. В общем, я была не в лучшей форме, чего не скажешь об этой стерве Алисе.

– А вот так! – заорала она. – Это моя квартира, и тебе нечего здесь делать! Я твоего Генку приютила из милости, нашла ему работу, кормлю его, пою – но уж тебя я тут видеть не желаю!

Я почувствовала, что земля уходит у меня из-под ног. Куда мне отсюда идти? Я в этом городе никого и ничего не знаю, я и языка-то, как выяснилось, не понимаю, и денег у меня почти нет…

Тут у меня словно свет в голове вспыхнул.

– Одну минуточку, – проговорила я, когда Алиса ненадолго замолчала. – Сперва отдайте мне мои деньги!

– Деньги? – Алиса вылупилась на меня, как баран на новые ворота. – Какие деньги? Это ты вообще о чем?

– Как – о чем? Я продала свою квартиру, перевела ему все деньги, а теперь вы знать ничего не знаете?

Я снова повернулась к Генке. Он покраснел, побледнел, глаза у него смотрели в разные стороны, только не на меня.

– Какие деньги? – холодным тоном отчеканила Алиса. – Геннадий, о каких это деньгах она говорит?

– Ну, Алисочка, ты только не волнуйся… – лепетал мой так называемый муж. – Мало ли что она говорит…

– То есть что значит – какие деньги? – взорвалась я. – Я перевела тебе все деньги, которые получила за квартиру! Ты уверил меня, что эти деньги тебе нужны для развития нашего общего бизнеса, что мы здесь прекрасно заживем…

Только тут до меня дошло, почему он слал мне все эти письма, почему дурил мне голову – из-за этих денег! Чтобы я раньше времени не разобралась в нем и не передумала их высылать! Такими словами называл в письмах – откуда что взялось? Ныл, что скучает и жить без меня не может, а я-то, дура, поверила…

Алиса тоже с недобрым интересом взглянула на Гену, но на этот раз не стала горячиться и проговорила:

– Ладно, с ним мы потом разберемся. А сейчас выметайся отсюда, пока я не спустила тебя с лестницы.

– Алисочка! – Генка подскочил к ней, но нарвался на такой взгляд, что отлетел как ошпаренный. – Алисочка, ты только не волнуйся! Мы все как-нибудь разрулим!..

Тут же он метнулся ко мне, схватил мой чемодан и потащил меня к двери, вполголоса уговаривая:

– Жанночка, ты же понимаешь, сейчас нельзя ее раздражать, она в таком состоянии…

– Ее, значит, нельзя раздражать, а меня можно… – бормотала я из последних сил. – Она, значит, в таком состоянии, а то что я десять часов в самолете – это ничего… Ее, значит, нельзя раздражать, а меня можно выкинуть на улицу…

– Не беспокойся, я тебя сейчас устрою на квартиру, там живут очень хорошие люди, ты у них отдохнешь, поспишь, а потом мы непременно что-нибудь

придумаем!

Я действительно была уже на последнем издыхании, и обещание отдыха прозвучало соблазнительно. Я понимала уже, что Генке ни в чем нельзя верить, но послушно переставляла ноги и брела за ним из последних сил.

Мы вышли из его дома, прошли два квартала и оказались перед таким же домом из красного кирпича, только куда более запущенным. Стены этого дома были густо разрисованы граффити, из окон, как флаги на бастионах сдающейся крепости, свисало сохнущее белье. На тротуаре перед входом дрались два темнокожих подростка, еще несколько с интересом наблюдали за дракой. Мы прошли мимо них, поднялись по наружной железной лестнице, вошли в темный подъезд.

Сразу же мне в нос ударили запахи еды, несвежей одежды, сбежавшего кофе и еще чего-то сладковатого и опасного. Из-за закрытых дверей доносилась громкая музыка, с одной стороны рэп, с другой – техно. Навстречу нам шагнул человек с длинными сальными волосами, что-то проговорил, протянул пакетик с белым порошком. Гена отмахнулся, ответил длинной английской тирадой. Длинноволосый блеснул глазами и исчез в темноте.

– Что это за дыра? – проговорила я испуганно.

– Не беспокойся, – фальшиво-жизнерадостным тоном ответил Генка. – Сейчас я приведу тебя к хорошим людям…

Мне было уже все равно – лишь бы лечь и хоть немного отдохнуть, хоть ненадолго забыться…

Муженек подошел к одной из дверей, позвонил.

Из-за двери донеслась ругань, потом дверь открылась, на пороге появилась огромная, очень толстая негритянка. Генка что-то быстро проговорил. Негритянка выслушала его, поджав губы, затем величественно развернулась и повела меня вглубь квартиры. Мне ничего не оставалось, как последовать за ней. Генка, с моим чемоданом наперевес, замыкал шествие.

Наконец мы остановились перед дверью. Негритянка открыла ее и гордым жестом показала на пустую комнату. В углу ее лежал пружинный матрас, покрытый цветастым покрывалом, под потолком горела голая лампочка.

– Это что? – испуганно проговорила я. – Я должна здесь жить?

– Только один день, – суетливо ответил мне Генка, пряча глаза. – Завтра я приду, мы непременно что-нибудь придумаем!

У меня не было сил спорить с ним, не было сил сопротивляться. Мне хотелось лечь, пусть даже на этот жуткий матрас, закрыть глаза и хоть ненадолго забыть обо всем.

Но еще одно мне обязательно было нужно.

– Хоть какой-то санузел есть в этом клоповнике?

– А как же! – Генка кажется обрадовался, что может мне хоть чем-то угодить. Он поставил мой чемодан на пол, переговорил с хозяйкой и показал на дверь по другую сторону коридора.

На всякий случай я открыла эту дверь – Генке я больше на слово не верила. За ней и вправду оказался санузел – выщербленный унитаз и даже – о радость – душевая кабинка с незакрывающейся створкой.

Это было то, о чем я мечтала.

Подлец Генка мгновенно испарился, я достала из чемодана кое-какие вещи (разбирать чемодан в этой трущобе я не собиралась) и отправилась в душ.

Правда, прежде чем войти в кабинку, мне пришлось выгнать оттуда несколько крупных тараканов, но вода в душе была, и даже горячая.

Постояв несколько минут под обжигающими струями, я почувствовала себя немного легче.

Я растерлась жестким полотенцем, вернулась в свою комнату и легла.

Правда, матрас был жутко неудобный, к тому же из-за тонких стен доносилась громкая музыка (с одной стороны рэп, с другой – техно), но мне это было уже безразлично. Я провалилась в глубокий, вязкий сон без сновидений.

Утром я долго не могла понять, где нахожусь.

Наконец доносящаяся из-за стен музыка освежила мою память, и я вспомнила ужасный вчерашний день.

Кое-как встав, я доползла до душа.

Несколько минут под горячими струями вернули меня к жизни.

Я вернулась в свою комнату (впрочем, называть ее своей у меня язык не поворачивался) и задумалась о том, что же делать дальше.

Никаких мыслей у меня не было: как ни посмотри, я была в полной заднице.

И тут дверь комнаты открылась, и в нее ввалилась вчерашняя огромная негритянка. Она встала на пороге и выдала длинную, совершенно непонятную тираду.

Я растерянно взглянула на нее, развела руками и, с трудом вспомнив, проговорила по-английски, что ничего не понимаю.

Негритянка фыркнула, как рассерженный индюк, и повторила все снова, но на этот раз сопровождая свои слова выразительными жестами. Теперь я ее поняла. Несомненно, она требовала, чтобы я немедленно выметалась из ее квартиры.

Мне и самой не хотелось ни минуты лишней находиться в этом клоповнике, но я еще больше разозлилась на Генку: небось заплатил только за одну ночь…

Одевшись и сложив вещи в чемодан, я вышла из дому.

На тротуаре перед входом по-прежнему дрались двое мальчишек. Какие, однако, выносливые. Впрочем, может быть, это были уже другие мальчишки.

Я довольно легко нашла Генкин дом, поднялась по лестнице и, вспомнив про оборванный звонок, постучала в дверь. Потом толкнула ее, думая, что она, как и вчера, не заперта.

На этот раз дверь была закрыта, из-за нее не доносилось ни звука.

Я била по ней кулаками, ногами, но по-прежнему безрезультатно.

В это время снизу по лестнице поднялся хромой лысый старик. Он мрачно взглянул на меня и что-то проговорил.

– Да пошел ты! – огрызнулась я. – Пошли вы все знаете куда? Указать направление? Впрочем, ты меня все равно не понимаешь…

К моему удивлению, лицо старика просветлело.

– Ты русская? – проговорил он без акцента.

– Ну да, русская! – зло отозвалась я. – А толку-то? Прилетела сюда к мужу, а у него – другая баба, а меня бортанул… и сейчас не могу до него достучаться!

– А, так ты к Гене! – сочувственно протянул старик. – Так они вчера съехали…

– Как съехали? – окончательно растерялась я. – Куда съехали? А вы откуда знаете? Вы вообще кто такой?

– Еще бы мне не знать! Я ведь здесь управляющий. Вот куда съехали – это я не знаю, они мне нового адреса не оставили.

– Сволочь Генка! – выпалила я и изо всех сил пнула дверь ногой. Хотя и понимала, что дверь ни в чем не виновата.

– Совершенно согласен, – вздохнул старик. – Он и мне пятьдесят баксов недоплатил. Но я тебе, детка, советую: забудь про своего Гену и поезжай домой, пока можешь…

– То есть как? – оторопела я и села на чемодан, потому что ноги отказались держать. – Как домой? Мне некуда…

Тут что-то случилось, очевидно, сказался стресс, недосып и опять-таки смена часовых поясов. Потому что я стала биться головой о дверь и тихонько подвывать. Старикан подошел ближе и тряхнул меня за плечи неожиданно сильными руками. Затем повел вниз. Я перебирала ногами в полной прострации. У себя в каморке старикан напоил меня дрянным растворимым кофе. Зачем-то я рассказала ему всю историю моего здесь появления. Он ничего не говорил, только цокал языком и качал лысой головой. В глазах его я прочитала только одно: «Ну, можно ли быть такой дурой?»

Можно, поняла я.

– Улетай ты отсюда скорее, – повторил старик, когда я выдохлась и замолчала.

Я поняла, что ничего другого мне просто не остается.

К счастью, немного денег у меня еще было, так что хватило на обратный билет, и еще сколько-то осталось.

Так и закончилась моя поездка в Америку.

Но когда я летела обратно через Атлантический океан, было время подумать. Впрочем, думать о том, какая же я дура, не хотелось. Нельзя сказать, что Генка разбил мне сердце, больше жалко было квартиру. Вся моя неземная любовь к этому подлецу прошла бесследно, как не было. Растворилась в трущобах Нью-Йорка, как и сам бывший муженек.

Впрочем, тогда я не знала, что впереди меня ждут такие неприятности, по сравнению с которыми поездка в Америку покажется цветочками.

Родной город встретил меня мокрым снегом и толпой смуглых гастарбайтеров в аэропорту. Они тащили тяжеленные тюки с пожитками и перекрикивались на своем гортанном языке, напоминающем грохот катящихся камней. От этого зал прилета аэропорта казался похожим на горную речку, словно эти смуглые шумные мужчины привезли с собой в наш холодный город кусочек своей

далекой родины.

Пройдя паспортный контроль и получив свой чемодан, я осознала, что ехать-то мне, собственно, некуда. Уезжая в Америку, я не собиралась оттуда возвращаться и поэтому сожгла за собой все мосты, обрубила концы, а теперь вернулась на остывшее пепелище. Единственным местом, с которым меня хоть что-то связывало, была та трехкомнатная квартира, которую Генины родственники выменяли на свою двухкомнатную квартиру и мою однушку. За этот обмен они мне еще не выплатили часть денег, поэтому я была прописана в их трехкомнатной квартире и считала, что имею моральное право попросить у них пристанища хотя бы на несколько дней. Кроме того, эти люди были со мной очень любезны, и я надеялась, что они не выставят меня на улицу.

После долгого перелета я ужасно устала, мне было трудно даже подумать о поездке городским транспортом. Я сосчитала оставшиеся деньги и решила взять такси, хоть это и пробило бы роковую брешь в моем финансовом состоянии.

Расплатившись с таксистом, я из последних сил поднялась на четвертый этаж (лифт, как назло, не работал) и позвонила в квартиру, с трудом разобрав ее номер (света на площадке тоже не было).

Некоторое время ничего не происходило.

Потом дверь наконец открылась. На пороге стояла девчонка лет пятнадцати в коротеньком полурасстегнутом халатике, с наглыми блудливыми глазами.

– Лешик, это ты? – пропела она, вглядываясь в темноту.

– Нет, это не Лешик, – огорчила я девицу. – Можно позвать Веру?

Разглядев меня и разочаровавшись, девица застегнула халатик, лениво побрела прочь, так же лениво крикнув в глубину квартиры:

– Мать, это к тебе!

Через минуту к двери подошла женщина лет сорока, в таком же халате и с такими же глазами. Это была не Вера Карасева, Генина родственница, с

которой я менялась, а совершенно незнакомая мне особа. Увидев меня, она нахмурилась, отступила на шаг и проговорила сквозь зубы:

– Чего надо? Ты вообще кто такая?

– Это двадцать шестая квартира? – пролепетала я, пытаясь понять, что происходит.

– Ну, двадцать шестая, и что дальше?

– А Веры нет дома? – растерянно спросила я. – Веры Карасевой?

– Ах, Карасевой! – протянула женщина нараспев. – Ишь, вспомнила! Они здесь больше не живут!

– Как – не живут? – опешила я. – Они ведь совсем недавно сюда сменялись…

– Как сменялись, так и пересменялись! – отрезала женщина. – И нечего сюда шляться!

– А куда они переехали? – пролепетала я, чувствуя, как земля уходит у меня из-под ног.

– Мне только и дела, что про них думать! А ну, вали отсюда, пока я мужа не позвала!

– Но вы должны знать…

– Я тебе ничего не должна! – взвизгнула она и крикнула через плечо: – Веня! Веник! Иди сюда!

Тут же у нее за спиной образовался здоровенный лысый мужик в майке. Вытирая руки грязным полотенцем, он недовольным голосом проворчал:

– Ну, что тут еще? Могу я спокойно отдохнуть, или мне так и будут весь вечер нервы мотать?

– Вот, Веник, смотри, притащилась шалава какая-то, про Карасевых спрашивает! Объясни ей доступно, что нечего тут ошиваться, и пойдем отдыхать!

– Это ты, что ли? – мужик уставился на меня маленькими злыми глазками. – А ну, вали отсюда, а то я тебя щас с лестницы спущу, так и покатишься до первого этажа копченой колбаской!

Такая перспектива меня не вдохновила.

Я развернулась и побрела вниз, мучительно думая, что делать дальше – сразу утопиться или еще немного помучиться.

Вдруг за моей спиной негромко хлопнула дверь, прошелестели легкие шаги, и девичий голос окликнул меня:

– Эй, постой!

Я остановилась и оглянулась.

По лестнице, крадучись, спускалась та девчонка, которая открыла мне дверь.

– Постой! – повторила она, подошла ко мне и проговорила, покосившись на дверь своей квартиры: – Черепа мои сегодня поцапались, поэтому такие злобные. На тебе адрес Карасевых…

Она сунула мне в руку бумажку с адресом и исчезла, так что я ее не успела поблагодарить.

Впрочем, как впоследствии выяснилось, благодарить было особенно не за что.

Денег на такси у меня не было, но, к счастью, новый адрес Карасевых был совсем недалеко. Я дотащилась туда со своим чемоданом, позвонила в квартиру.

На этот раз мне открыла Генина родственница, та самая Вера Карасева.

Когда мы с ней общались по поводу обмена, Вера показалась мне милой женщиной. Но сейчас она смотрела на меня волком и перегораживала вход в квартиру.

– И кто же это к нам пожаловал? – процедила она неприязненно, уперев руки в бока. – Никак наша богатая американка вернулась? Что, Америка не понравилась? Молочных рек с кисельными берегами не оказалось? Слухи о них не подтвердились?

– Вер, это долгий разговор… – проговорила я усталым голосом. – Я с дороги, устала очень, пусти меня в квартиру…

– С какого бы это перепугу? – она смерила меня взглядом и не тронулась с места. – Что тебе делать в моей квартире? У меня, между прочим, муж имеется, и кто я по-твоему – круглая дура, постороннюю бабу в квартиру пускать? Пусти, как говорится, козла в огород… то есть козу. Мужики, они, сама знаешь, не упустят, если у них прямо перед носом хвостом крутят! Тем более что твой муженек тебя бортанул и ты сейчас в свободном поиске!..

Вот интересно, откуда она знает про моего мужа? Я сама это совсем недавно узнала! Правда, говорят же, что жена всегда все узнает последней…

– Ну пусти хоть на пару дней, пока я не найду что-нибудь! – взмолилась я. – Я же здесь прописана, имею право…

– Ах, ты уже про права заговорила! – Вера побагровела, двинулась на меня, пыхтя, как маневровый паровоз. – Так вот забудь про всякие права! Это ты в той квартире была прописана, а мы ее еще раз поменяли, здесь тебя и близко нету! Теперь ты, подруга, прописана в поселке городского типа Кривые Котлы!

– Какие котлы? – переспросила я в ужасе.

– Кривые Котлы, поселок городского типа Коряжменского района Архангельской области, вот туда и уматывай!

– Постой… – пролепетала я, потрясенная такой перспективой. – Но ведь деньги… вы мне не заплатили половину денег за мою квартиру?

– Деньги? – переспросила она издевательским тоном. – А у тебя расписка есть? Нету! Мы тебе в счет твоих денег жилплощадь в Кривых Котлах предоставили. Там все твои права, а здесь у тебя одно право – катись к чертовой матери! – и с этими словами она захлопнула дверь перед моим носом.

Ну можно ли быть такой идиоткой? Оказалось, можно.

Маршрутка высадила меня возле торгового центра. Он был построен совсем недавно, и некоторые помещения еще пустовали. Центр был огромный, я долго его обходила, потом шла по тихой безлюдной улице. Было зябко, казалось, что в сумерках кто-то смотрит в спину тяжелым взглядом.

Я удачно миновала двух смуглолицых мужчин, что отирались возле подъезда, и поднялась на второй этаж. В моем временном жилище коридорного типа ничего не изменилось. Но это только на первый взгляд. Потому что в коридоре царил просто вселенский холод. Казалось, на стенах сейчас выступит иней, а с потолка свесятся сосульки. Непослушными руками, я отперла дверь. В комнате было чуть теплее, но это пока я не начала ходить туда-сюда. Я потрогала батарею и поежилась – она была ледяной. Да, за ночь я здесь околею.

Когда я ставила чайник на кухне, туда явился Федя. Сегодня на нем поверх вылинявшей рубахи была надета жилетка, сделанная из старого ватника – просто обрезаны рукава.

– Отчего холод такой? – спросила я хмуро.

– А, это отопление отключили! – ответил Федя жизнерадостным тенорком. – Чтобы нас отсюда выкурить!

– Часто так бывает? – я сняла закипевший чайник и понесла его в комнату в надежде погреть об него руки.

– Бывает… – Федя неопределенно махнул рукой и подмигнул левым глазом, – но не боись, совсем не отключат, потому как дом выстудиться может, а это вредно.

– А если я выстужусь, то на это всем…

– Точно! – подтвердил Федя. – Правильно понимаешь!

Мы как раз дошли до его двери, он немного приоткрыл ее, собираясь зайти, и оттуда на меня пахнуло таким теплом, что я чуть не выронила чайник.

– Федя, так у тебя тепло? – едва не закричала я.

– Я печку топлю, – ответил он, – хошь, пойдем ко мне спать!

И ухмыльнулся нагло, и двинулся ко мне, а глаз его замигал безостановочно.

– Нет уж, – отшатнулась я, – обойдусь как-нибудь!

– Ну, как знаешь, – очевидно, мысль залучить меня к себе показалась ему привлекательной, – смотри, как бы не околеть ночью-то…

Я попятилась и вспомнила, что в моей комнате тоже есть печка. Большая и красивая. Если Федя топит свою печь, то и я, наверное, смогу затопить свою.

– Спасибо, Федя, за приглашение, только я уж сама… – сказала я твердо.

– Тогда ладно! – не обиделся Федя, ушел к себе и тут же вернулся с топором.

– Сейчас мы тебе дровишек раздобудем! – Федя остановился перед дверью, на которой висел амбарный замок.

– Тут же заперто, – проговорила я неуверенно.

– Ты про это? – Федя пренебрежительно покосился на замок. – Да это так, одна видимость!

С этими словами он подковырнул дужку замка ногтем, она отскочила, и замок остался у него в руке.

– Вот и все! – он открыл дверь. – Заходи, соседка, будь как дома!

Я неуверенно переступила порог.

Эта комната была больше моей, и не такая пустая. Здесь был старый платяной шкаф, и письменный стол с обитой зеленым сукном столешницей, и несколько стульев, и еще кое-какая мебель – все это старомодное, обшарпанное, но крепкое и добротное.

Вообще, в этой комнате было как-то грустно – здесь еще витал дух тех людей, которые в ней жили. На одной стене висел календарь за позапрошлый год, на другой было несколько прямоугольных пятен на обоях – видно, там тоже висели какие-то картинки или фотографии, и обои под ними не так выцвели. Мне стало как-то неуютно – как будто я без спросу вломилась в чужую жизнь.

– Знаешь, чем хороша старая мебель? – солидно проговорил Федор, внимательным хозяйским взглядом оценивая обстановку. – Она натуральная, деревянная, а не из ДСП, значит, годится на дрова. ДСП, соседка, на дрова не годится – там много химии, можно отравиться. Дерево – это другое дело… Вот, смотри, какой хороший стол!

С этими словами он примерился и с размаху хряпнул топором по письменному столу.

– Даже как-то жалко… – я смотрела, как стол превращается в груду обломков.

– Жалко не жалко, а топить чем-то надо, а то ты совсем окоченеешь! – Федор отложил топор и набрал охапку дощечек. – Пойдем, этого тебе должно хватить на сегодня. А за мебель не переживай, они ее бросили за ненадобностью.

Он дотащил дрова до двери моей комнаты. Я остановилась на пороге в раздумье – пригласить его в комнату или все же не стоит. С одной стороны, он мне вроде помогает и ведет себя прилично, так что неудобно закрыть дверь перед его носом, но с другой… я вспомнила его перекошенное лицо, безумные глаза – и замялась. Черт его знает, что ему взбредет в голову! И тут Федор сам пришел мне на помощь.

Он сложил дрова на пороге моей комнаты и проговорил озабоченным тоном:

– Ну, соседка, думаю, дальше ты сама справишься, а у меня дела. Печку-то когда-нибудь топила?

– Топила… – ответила я неуверенно.

– Ну, тогда вот держи, – Федор вручил мне коробок спичек и удалился в свою комнату с таким деловым видом, как будто и впрямь шел на какие-то важные переговоры.

Я пожала плечами и проводила его взглядом. Причем я заметила, что он не так сильно хромает, как обычно, и нога у него не так вывернута. Хотя, возможно, это мне только показалось.

Ну ладно, у каждого есть свои проблемы, а мне хватает собственных. Даже более чем.

Я перетащила обломки стола в комнату, сложила их возле печки и задумалась.

Когда я сказала Федору, что раньше топила печку, я не то чтобы соврала, но малость преувеличила. Когда-то давно, в студенческие годы, мы снимали с друзьями зимний домик на Карельском перешейке, чтобы кататься на лыжах и вообще приятно проводить время. Там мы действительно топили печку, и я в этом процессе участвовала, но была, как правило, на подхвате. Ничего серьезного парни мне не доверяли. Сейчас я стала вспоминать, как мы это делали.

Так, сначала нужно положить в устье печки самые тонкие щепочки, на них – палочки потолще, затем дощечки и наконец самые толстые куски дерева.

Через несколько минут у меня получилась аккуратная груда дров, я зажгла кусок газеты и поднесла к нижним щепкам.

Язычок пламени лизнул щепки, они загорелись, я подула на них и выпрямилась с довольным видом.

Но тут из печи повалил густой черный дым, который в считаные минуты наполнил всю комнату.

Я закашлялась, поспешно распахнула окно и вдохнула сырой холодный воздух.

Ничего себе – протопила печку! Теперь в комнате стало еще холоднее, чем прежде, да еще и дышать невозможно!

К счастью, дрова скоро погасли и воздух в комнате стал свежее.

Я в растерянности смотрела на печку.

Что же я сделала не так?

Первым моим побуждением было позвать на помощь Федора. Но я это намерение пресекла в зародыше. Неужели я не в состоянии сама сделать такую простую работу?

И тут меня осенило.

Я вспомнила, что, прежде чем топить печь, нужно открыть заслонку, чтобы дым шел в трубу, а не в комнату. Ну надо же – забыла такую простую вещь!

Я бросилась к печи и осмотрела ее со всех сторон.

Как же выглядит эта чертова заслонка?

Сбоку из изразцовой поверхности печки торчали две какие-то заржавленные чугунные загогулины, что-то вроде дверных ручек. Я осторожно потянула одну из них, но она не поддавалась. Тогда попробовала потянуть другую, но результат был такой же, то есть никакого.

Тогда я взяла ножку от разрубленного стола и пару раз как следует ударила по чугунной ручке. Внутри что-то скрипнуло, треснуло, чугунная загогулина нехотя сдвинулась с места, повернулась на девяносто градусов. Теперь я попробовала потянуть ее, навалившись всем весом. Ручка снова повернулась, и в боковой стенке печки открылось квадратное окошечко, из которого потянуло пылью и плесенью.

Что-то непонятное, но явно не то, что мне нужно.

Вообще-то, мне нужно было открыть печную заслонку, иначе я просто околею от холода!

Я потянула за вторую чугунную ручку, и на этот раз она тоже пришла в движение, и мне удалось вытащить из печки заржавленную металлическую пластинку, наверное, ту самую заслонку.

Во всяком случае, теперь можно еще раз попробовать затопить печку…

Я снова зажгла бумажку, осторожно, бережно поднесла ее к щепкам, и на этот раз они загорелись веселым пламенем, огонь жадно перекинулся на дощечки, и через несколько минут в печи горело ровное гудящее пламя.

Я устроилась возле самого огня, протянула к нему руки и скоро почувствовала, как живительное тепло разливается по всему телу. Скоро мне даже стало жарко, так что я плотно закрыла дверцу печки и немного отодвинулась от нее.

Тут я вспомнила, как тогда, на Карельском перешейке, меня учил топить печки Слава Мерзликин, опытный турист и вообще умелец на все руки. Он говорил, что, когда огонь в печке как следует разгорится, нужно немного прикрыть заслонку, тогда тепло будет гораздо дольше держаться в печи.

Я опять обошла печку сбоку, туда, где находилась заслонка.

Так, которую же из двух загогулин нужно сдвинуть?

Я взялась за одну, потянула и тут же поняла, что это не та, на которой крепится заслонка. От движения этой ручки шире открылось окошечко в боковой стенке печи. Я заглянула в него из чистого любопытства и увидела какой-то ящичек.

Ничего себе! Выходит, я нашла тайник?

Сердце мое забилось от волнения.

Казалось бы, сейчас меня должны заботить совсем другие вещи – у меня нет жилья, нет работы, неизвестно, что я буду завтра есть, но я взволновалась при

виде какого-то таинственного ящичка, спрятанного в печке!

Видно, в душе у каждого человека живет ребенок, который верит в чудеса и радуется неожиданным находкам, ребенок, который верит в Деда Мороза и ждет от судьбы подарков…

Я запустила в окошечко руку, собрала кучу паутины, но все же вытащила ящик.

Это оказалась жестяная коробка, покрытая толстым слоем слежавшейся пыли и паутины. Я обтерла ее тряпкой и поняла, что это жестянка из-под каких-то конфет или леденцов, явно дореволюционная – надписи на ней были с ятями, по старой орфографии. Я повертела коробку, разглядывая ее с разных сторон. Сверху на ней был нарисован портрет красивой дамы в шляпе с перьями, и название или марка – Ландрин. Где-то мне такое слово попадалось.

Но гораздо интереснее было, что находится внутри этой жестянки. А внутри определенно что-то было, судя по весу.

Я попыталась открыть ее, но крышка за долгие годы приржавела и не поддавалась моим усилиям. Тогда я перебрала остатки дров и нашла среди дощечек и щепок заржавленную металлическую пластинку. При помощи этой пластинки я ловко подцепила крышку, поднажала, и жестянка открылась.

Не знаю, что я ожидала найти внутри – драгоценности какой-нибудь давно умершей красавицы или царские золотые монеты. В общем, что-то, что могло помочь мне выбиться из нищеты, помочь решить мои многочисленные проблемы.

Но моим надеждам не суждено было осуществиться.

В жестянке лежала всего лишь толстая, но небольшая тетрадь в черной коленкоровой обложке.

Я почувствовала разочарование… но в то же время жгучее любопытство: какие тайны заключены в этой тетради, если ее спрятали в тайнике?

В комнате между тем стало гораздо теплее.

Я взяла тетрадь, забралась с ногами на диван и открыла первую страницу.

Тетрадь была исписана мелким, красивым и очень отчетливым почерком. Бумага пожелтела, но хорошо сохранилась, лиловые чернила выцвели, но слова все еще можно было разобрать, и я начала читать, на время забыв обо всех своих неприятностях.

Гостиная баронессы де Субиз была погружена в таинственный полумрак. Дамы в роскошных платьях и в бесценных украшениях, господа в расшитых золотом камзолах завороженно смотрели на широкоплечего приземистого человека в черном, который стоял в центре комнаты, держа в руках удлиненный сосуд розоватого хрусталя. Внутри этого сосуда словно переливались светящиеся облачка, то и дело менявшие свой цвет – только что они были изумрудно-зелеными и вот уже темно-синие, как индийский сапфир, а теперь – багряные, как небо на закате…

– Это не более чем красивый фокус, – скучающим тоном проговорил высокий мужчина в лиловом камзоле, расшитом серебром. – Если это все, чем вы хотите нас удивить…

– Что вы, господин виконт! – возразил фокусник с почтительным поклоном. – У меня и в мыслях не было удивлять вас такой безделицей! Сейчас я покажу вам и всем остальным гостям досточтимой баронессы нечто, заслуживающее большего внимания.

Он повернулся к хозяйке дома и спросил:

– Сударыня, не позволите ли вы вашей воспитаннице помочь мне в следующем опыте?

– Надеюсь, ей не придется делать что-нибудь предосудительное? – осведомилась баронесса, поджав губы.

– Что вы, сударыня, конечно нет!

– Что ж, в таком случае, Марианна, помоги господину графу!

– Слушаюсь, ваша милость, – бледная девушка в светло-голубом платье, смущенно опустив взор, вышла на середину гостиной и остановилась перед фокусником с таким видом, с каким, должно быть, первые христиане выходили на арену, где их поджидали голодные львы. Это была воспитанница баронессы, ее дальняя бедная родственница, недавно приехавшая из провинции.

– Что я должна делать, ваша светлость? – спросила она человека в черном.

– Ровным счетом ничего, – ответил ей тот и достал из кармана золотые часы на цепочке.

– Посмотрите, дитя мое, который час?

Девушка взглянула на часы. Они мерно раскачивались на цепочке, так что она никак не могла разглядеть стрелки. К тому же человек в черном начал монотонным, завораживающим голосом произносить какие-то странные, бессмысленные слова:

– Раз-два, раз-два, тяжелеет голова… три-четыре, три-четыре, веки стали словно гири…

Веки у Марианны и впрямь стали тяжелыми, глаза закрылись, но она продолжала стоять посреди гостиной в прежней смиренной позе.

– Прекрасно, – проговорил фокусник. – Теперь, прелестное дитя, ты откроешь глаза и представишь, что находишься в чудесном саду!

Девушка открыла глаза, огляделась по сторонам. Казалось, она не видит никого из присутствующих, однако лицо ее светилось от восторга. Она сделала шаг вперед, еще один и наклонилась словно для того, чтобы понюхать цветок. Выпрямившись, она сделала еще шаг, но тут фокусник воскликнул:

– Берегись, на дорожку выползла змея!

Восторг на лице Марианны сменился испугом, она вскрикнула и попятилась.

– Не бойся, дитя мое, змея уползла! – успокоил ее мужчина. – Теперь ты подходишь к ручью и хочешь перейти его.

Девушка сделала шаг вперед и подобрала юбки, как будто и впрямь собралась перебраться через ручей.

– Вы обещали, граф, что не будете делать ничего предосудительного! – строго проговорила баронесса.

– Ну что вы, это всего лишь невинная шутка! – ответил тот. – Впрочем, больше ничего подобного не будет. Еще только один небольшой опыт…

Он подошел к девушке, прикоснулся к ее руке своей ладонью и воскликнул:

– Это раскаленный железный прут!

Марианна вскрикнула, отдернула руку. Все, кто стоял близко к ней, увидели, что в том месте, которого коснулся гипнотизер, появилось красное пятно ожога.

– Не волнуйтесь, господа! – успокоил граф гостей. – Сейчас я вылечу этот ожог, а проснувшись, Марианна о нем и не вспомнит.

С этими словами он снова коснулся руки девушки – и красное пятно на глазах изумленных зрителей исчезло.

– Ну вот, пожалуй, на этом мы закончим, – удовлетворенно проговорил экспериментатор и снова обратился к Марианне: – Сейчас, милое дитя, я хлопну в ладоши, и ты тут же проснешься и не будешь помнить того, что мы с тобой проделали.

Он хлопнул в ладоши.

Марианна вздохнула, огляделась по сторонам и несколько неуверенно проговорила:

– Так что я должна делать, ваша светлость?

– Ровным счетом ничего, дитя мое! – ответил фокусник. – Вы уже сделали все, что нужно. – С этими словами он окинул взглядом присутствующих и добавил: – Это только маленькая демонстрация тайных наук Востока. Не больше, чем красивый фокус, как выразился господин виконт. Но я могу показать вам кое-что более интересное. Милорд, – мужчина в черном обратился к скептически настроенному гостю, – не найдется ли у вас медной монеты? Скажем, два су?

– Медная монета? – мужчина в лиловом камзоле брезгливо оттопырил нижнюю губу. – Право, не знаю… я не ношу с собой меди…

– А вы загляните в свой кошелек, господин виконт! – не сдавался фокусник.

Виконт нехотя достал кошелек, порылся в нем и удивленно проговорил:

– Правда, вот два су… не знаю, как оказалась здесь эта монета!

– Позвольте, – мужчина в черном ловко выхватил мелкую монету у виконта, бросил ее в камин, немного подождал, затем посыпал на нее какой-то зеленоватый порошок.

В комнате запахло чем-то приторно-сладким, как дешевые духи.

Фокусник вооружился каминными щипцами, достал монету, опустил ее в чашу с водой. Вода зашипела, затем успокоилась. Фокусник достал монету из воды и протянул ее владельцу:

– Вот ваша монета, милорд!

– Но она стала золотой! – проговорил виконт удивленно.

Остальные гости сгрудились вокруг него, разглядывая удивительную монету.

– Да, это та самая монета, – подтвердил виконт. – Так вы и впрямь владеете секретом превращения обычных металлов в золото?

– Древняя наука Востока заключает в себе много удивительных знаний! – уклончиво ответил человек в черном и тут же заговорил с дамой в платье

бледно-лилового шелка.

– Разве вы не слышали, мой друг, – вполголоса сказал виконту барон де Брей, толстяк с некрасивой родинкой на левой щеке, – несколько лет назад граф Калиостро находился при дворе герцога Голштинии. Герцог в то время пребывал в очень стесненных обстоятельствах, он не мог заплатить даже своим офицерам. Так представьте, после посещения Калиостро герцог расплатился со всеми своими кредиторами, да еще начал строительство нового дворца!

– Вы хотите сказать, барон, что господин Калиостро изготовил для герцога золото?

– Я ничего не хочу сказать, кроме того, что я уже сказал!

– Кстати, барон, этот господин Калиостро называет себя графом, так вот не знаете ли вы, имеет ли он для этого основания?

– Кто его знает! – протянул де Брей, насмешливо прищурившись. – Ведь он прибыл из Италии, а там каждый цирюльник именует себя графом, каждый торговец рыбой – маркизом… это мы с вами можем проследить своих предков до времен Людовика Святого… кстати, виконт, видели ли вы ту молодую особу в голубом платье?

– Ту, что беседует с графиней де Бревиньен?

– Да, именно ее! Так вот, я слышал, что она происходит из рода Валуа. Можете себе представить? В ее жилах течет кровь королей!

– Никогда бы не подумал! – виконт пристально взглянул на молодую женщину. – Отчего же я никогда прежде не видел ее в Версале?

– Ее отец умер в нищете, сама она с сестрой попала в сиротский приют, где ее и нашла графиня. Ее зовут Жанна де Ламотт, иногда она подписывается как графиня де Ламотт-Валуа.

Калиостро тем временем разговаривал с дамами, сопровождая свои слова плавными жестами красивых ухоженных рук:

– Нет, сударыни, я не верю в разговоры о секрете вечной молодости! Можно, конечно, надолго сохранить телесное здоровье и красоту, но вечная молодость – это миф, легенда… так я и сказал Аристотелю, когда у нас зашел об этом разговор…

– Что? – перебила его баронесса де Субиз. – Я не ослышалась? Вы имели счастье беседовать с Аристотелем? Но как это возможно?

– Ах, баронесса, – Калиостро сдержанно улыбнулся, – кажется, я сболтнул лишнее. Простите меня, сейчас не время и не место для подобных откровений. Может быть, когда-нибудь в другой раз, в более доверительной обстановке…

Барон де Брей поймал за локоть проходившего мимо него слугу Калиостро и вполголоса спросил его:

– Послушай, любезный, неужели твой господин и вправду жил во времена Аристотеля?

– Извините, ваша милость, – отвечал слуга, почтительно поклонившись барону, – к моему прискорбию, я не могу этого знать, ибо служу господину графу только последние четыреста лет.

С этими словами он ловко увернулся и скрылся в соседней комнате.

Барон проводил его удивленным взглядом.

Жанна де Ламотт покинула дом баронессы одной из последних. Простившись со своей благодетельницей графиней де Бревиньен, она села в закрытый экипаж и велела вознице возвращаться домой.

Однако едва экипаж тронулся, она увидела в его темном углу человека, закутанного в черный плащ.

Жанна вскрикнула и хотела остановить возницу, но незнакомец отбросил плащ и поднес палец к губам.

Жанна узнала итальянского графа, который только что развлекал гостей баронессы.

– Это вы? – проговорила женщина раздраженно. – Вы меня напугали. Извольте объясниться – что вам от меня нужно?

– Думаю, вы не очень испугались, – ответил Калиостро с едва уловимой улыбкой. – Думаю, вы вообще не из пугливых. Тем не менее, мадам, приношу вам свои извинения. Но мне нужно было поговорить с вами, и поговорить без свидетелей.

– Что ж, говорите, – глаза Жанны блеснули в полутьме экипажа, – но имейте в виду – я порядочная женщина и не потерплю никаких сомнительных намеков…

– Боже упаси! – Калиостро поднял красивые руки. – У меня ничего такого и в мыслях не было. Я хочу сделать вам деловое предложение.

– Деловое?

– Именно! Ведь вы хорошо знакомы с его преосвященством кардиналом де Роганом, князем-епископом Страсбурга…

– Что за намеки! – вспыхнула Жанна. – Меня связывает с его преосвященством самая чистая дружба! Он заботится о моей душе…

– И я о том же! – перебил ее Калиостро. – Он заботится о вашей душе, вы – о его кошельке… но я хочу сказать вам, мадам, что кардинал не слишком богат. Так что вы не сможете при его помощи поправить свои дела.

– Да как вы можете! – горячилась Жанна. – Он – прелат, слуга Церкви…

– Бла-бла-бла! – замахал руками Калиостро. – Мадам, оставьте этот тон! Мы с вами одного поля ягоды, и я предлагаю вам выгодную сделку. Мы можем заработать большие, очень большие деньги! Больше миллиона ливров!

– Больше миллиона? – Глаза Жанны вспыхнули, как два драгоценных камня, но тут же в голосе ее прозвучало недоверие: – Но вы только что сказали, что

кардинал не богат. У него нет миллиона!

– У него – нет, но я расскажу вам, как можно заработать на вашей… м-м-м… чистой дружбе с кардиналом. Я хочу вкратце рассказать вам историю создания одного удивительного ожерелья. Бемер и Бассанж, два богатейших французских ювелира, объединили свои таланты и свои богатства, чтобы изготовить бриллиантовое ожерелье необычайной ценности и красоты. Ожерелье это было предназначено для последней фаворитки Людовика Пятнадцатого графини Дюбарри. Однако, когда ожерелье уже было изготовлено, король скоропостижно умер, а его фаворитка в одночасье лишилась всех своих сказочных богатств. Ювелиры остались ни с чем, точнее – с бесценным ожерельем, для которого весьма трудно было найти нового покупателя. Цена ожерелья составляет примерно полтора миллиона ливров. Заплатить такую цену могут только несколько человек в Европе – английский король, император Австрии и, возможно, еще кто-то из владетельных особ. Ювелиры хотели было предложить ожерелье молодой королеве Марии-Антуанетте, но финансы Франции находятся в расстройстве, и королева не решилась просить у Людовика Шестнадцатого такую баснословную сумму на новое украшение. И если в этой ситуации на сцене появится кардинал де Роган, представитель одной из старейших и самых влиятельных дворянских семей Франции, который предложит выступить посредником между ювелирами и королевой, то, разумеется, ювелиры, которые уже отчаялись продать ожерелье, ухватятся за эту возможность…

Я проснулась глубокой ночью. Долго не могла понять, где я, пока не сообразила, что заснула прямо на диване за чтением найденной тетрадки. И снились мне дамы в напудренных паричках, мужчины в расшитых золотом камзолах, богато убранные покои и золоченые кареты с запряженными цугом лошадьми.

Печка прогорела, но в комнате было относительно тепло. Я завернулась поплотнее в одеяло и заснула до утра, положив тетрадку под подушку.

Утром батареи были теплыми. Я с благодарностью погладила печку по красивому выпуклому боку – все же она помогла мне пережить эту ночь – и решила продолжить поиски работы. Денег оставалось совсем мало, скоро даже на самую скромную еду не хватит.

Новый, находящийся в стадии организации телевизионный канал находился у черта на куличках. Нужно было долго ехать на метро до конечной станции, а там

еще на маршрутке минут двадцать. Ужасно не хотелось ехать, да еще наудачу, без предварительной договоренности, почти без надежды на успех. При моей невезучести наверняка проезжу зря. Но я решила не поддаваться унынию и лени, а действовать, как лягушка из басни.

В школе учительница нам без конца приводила пример, как две лягушки упали в сметану. Одна смирилась со своей участью, опустила лапки и пошла на дно, а вторая до того добрыкалась, что сбила из сметаны твердое масло и вылезла наружу. Так что если у меня плохо с умом, то попытаемся взять упорством.

Итак, я по-быстрому набросала кое-что на лицо и перед тем, как выскочить из дома, оглядела комнату. При дневном свете она выглядела неопрятной. Щепки на полу, скомканное одеяло на диване, разоренная печка…

На столе лежала жестяная коробка с надписью: «Ландрин». Теперь я узнала и это слово, и картинку на крышке. В заново отделанном Елисеевском магазине висел такой плакат, срисованный со старинного. Ландрин – это были такие леденцы. Я наскоро прибралась в комнате, коробку убрала в тайник и закрыла его, а тетрадку прихватила с собой, чтобы было что почитать в метро.

Я прокляла все на свете, пока искала этот несчастный телевизионный канал.

Офис располагался в самом обычном девятиэтажном жилом доме, на первом этаже. Не то там была раньше мастерская по ремонту обуви, не то парикмахерская, не то детская танцевальная студия, теперь же возле двери стоял расторопный мужичок в рабочем комбинезоне бывшего синего цвета и прибивал вывеску. Прибивал криво, о чем я не преминула ему сообщить, проходя мимо.

– Ничего, это ненадолго, – не обиделся он, – скоро в отдельное здание переедем.

Я обрадовалась и проскочила в дверь. Но дальше дело застопорилось, потому что обжора Танька Бочкина даже не сказала мне, к кому можно обратиться. Не стоять же посреди помещения и орать: «Люди! Возьмите меня на работу!»

Запросто выгонят.

И тут открылась дальняя дверь и вышел кто-то очень знакомый. Он говорил еще что-то туда, в комнату, потом выразительно махнул рукой, повернулся.

– Вася! – я даже рассмеялась от радости. – Вася Семужкин!

Вася – это было нечто очень хорошее из моей прошлой жизни, когда я работала на крупном телеканале в популярном ток-шоу, имела мужа и свою собственную квартиру. Жизнь тогда казалась мне лестницей с очень пологими и редкими ступеньками.

Вот иду я по ней прямо, потом поднимаюсь на маленькую, почти незаметную ступенечку – это на работе повысили. Потом мы с Генкой подкопим денег, возьмем в банке кредит и обменяем мою крошечную однушку на квартиру побольше. Это еще одна ступенечка. И так далее. В общем, не жизнь, а мечта идиотки.

Ну, про идиотку вы уже слышали, и не раз.

Вася Семужкин пришел к нам на шоу в качестве участника.

Все знают, что ток-шоу – передача постановочная, только наивные бабушки верят, что участники шоу обычные люди, и пришли они по объявлению с улицы. На самом деле их набирают по базе данных среди безработных актеров.

Главное – чтобы не засветились они в разных передачах. Человека с улицы не возьмут – можно так нарваться… Псих какой-нибудь попадется или дубина стоеросовая, растеряется, будет мямлить, бубнить или, наоборот, устроит на записи истерику… Профессиональный же актер перед камерой не теряется, держится свободно и естественно, опять же сыграет все, что нужно. Истории все выдуманы сценаристом. В общем, так гораздо проще. И интереснее.

В нашем шоу «Выбери меня!» все было такое же. Выбирали друг друга участники строго по указке, в соответствии со сценарием, затем произносили заранее подготовленный текст. Психолог, ведущий – все говорили как положено, никакой отсебятины. Гости шоу тоже комментировали происходящее в нужном ключе. Но вот в случае с Васей все было по-настоящему.

Одна редакторша тогда упросила меня взять в передачу свою сестренку двоюродную. Дескать, девчонка приехала издалека, из провинции, ей интересно, на всю жизнь это событие запомнит. Ну, мне что, жалко, что ли? Девчонка совсем молоденькая, глаза огромные. Витя, оператор, сказал, что в кадре она хорошо смотреться будет – цветочек такой невинный.

Раз в жизни угадал наш психолог!

Вася потом мне сам рассказывал, что как поглядел он на эту Машеньку, так и упал на месте. Мысленно, конечно, потому что он театральный институт закончил, умеет себя в руках держать. Так они с тех пор вместе. Мы пару раз сталкивались – на работе, на тусовках, он меня даже шампанским поил, говорил, что, если бы я его Машу в шоу не взяла, они бы никогда не встретились.

Сейчас Вася вгляделся в меня и прямо расцвел:

– Жанка, ты что тут делаешь?

– Да я вот… – я вдруг смутилась. – Понимаешь…

Какой-то бородатый мужик позвал Васю из другой двери. Вася оглядел меня с ног до головы и нахмурился.

– Надо поговорить? – спросил он. – У тебя неприятности?

– Вообще-то да, – честно сказала я, сильно расстроившись. Уж если Вася с одного взгляда понял, что у меня все плохо, то кто меня возьмет на работу?

– Семужкин! – крикнули раздраженно.

– Слушай, тут такой дурдом, поговорить не дадут! – тихо сказал Вася, подойдя ко мне. – Ты подожди меня в кафе через дорогу. Я минут через сорок буду!

Я послушно пошла к выходу.

Кафе оказалось самой настоящей забегаловкой с липкими пластиковыми столами и грубыми бумажными салфетками, меня отчасти примирили с этим

только цены. Девица за стойкой откровенно скучала, потому что те, кто ленится завтракать дома, уже выпили у нее свой утренний кофе с булочкой, а время обеда еще не наступило. Несмотря на не слишком аппетитные запахи, я почувствовала, что если не съем хоть что-то, то просто упаду на месте.

Девушка предложила мне горячий бутерброд и кофе. Она долго возилась с кофемашиной, наконец принесла заказ.

Бутерброд состоял в основном из булки. Расплавленный сыр был резиновый, колбасу внутри я отыскала с трудом, и то потому, что у меня зрение хорошее. Но нет худа без добра, я сумею растянуть этот долгоиграющий бутерброд на сорок минут. Кофе против ожидания оказался крепкий, с хорошей пенкой.

После еды настроение улучшилось. Я убедила себя, что встреча с Васей – это хороший знак, Вася обязательно мне поможет. Я проторчала в кафе почти час, девица за стойкой поглядывала на меня с легким недовольством.

– Слушай, – не выдержала я, – думаешь, мне самой тут нравится? Я человека жду!

– Да жди, мне-то что… – отмахнулась она. – Думаешь, придет?

В глазах у нее было сомнение.

Я снова расстроилась – вот, даже эта незнакомая девица тоже определила, что у меня неприятности. Тут в дверь заглянул озабоченный Вася.

– Жанка! – позвал он. – Едем скорее, я опаздываю! В машине поговорим!

Я бросила на стол деньги и поскакала бодрым козликом, победоносно оглянувшись на барменшу – вот, пришел же!

– Как живешь? – спросила я Васю, чтобы не начинать беседу со своих проблем.

– Ой! – крикнул он. – Замотался совсем! Прикинь, у меня Машка беременная, близнецов ждем!

– Да что ты? Поздравляю!

– Ой, не надо, все потом! – замахал Вася руками. – В общем, денег нужно немерено, так что верчусь как белка в колесе! Вот сюда обещают вроде ведущим взять, тогда бы мы поправили свои дела, но это пока неточно…

– Здорово! – я была искренне рада за Васю, такому хорошему человеку должно было повезти.

– Что я все о себе! – он притормозил на перекрестке и повернулся ко мне. – Жанка, ты-то как вообще? Я слышал, вроде ты с того канала уволилась? Да и шоу ваше закрывают… А кто-то говорил, что ты в Штаты уехала к мужу… врали, выходит?

– Уехала и приехала, – вздохнула я. – В общем, мужа у меня больше нет, теперь срочно нужна работа.

Вася все понял правильно.

– Не горюй! – сказал он. – Характер у тебя хороший, перышки почистишь – найдешь мужика!

– Мне бы работу для начала найти, – напомнила я.

– Так… – Вася подумал немного, – здесь пока все неясно. Планы у них большие, но когда еще раскрутятся.

– А кто хозяин канала?

– Да у них там все непонятно. Ладно, я людей поспрашиваю. Тебе срочно?

– Срочно, – взмолилась я. – Вася, мне хоть временно куда-нибудь! На любую работу согласна!

– Найдем! – уверенно пообещал он. – Сейчас я на съемки опаздываю, завтра с тобой свяжусь! Телефон прежний?

Вася высадил меня недалеко от моего, с позволения сказать, дома, точнее, временного пристанища, отмахнулся от изъявлений благодарности и уехал.

Я проводила его машину грустным взглядом и подумала, что все-таки сделала в жизни хоть что-то хорошее, познакомила двух славных людей…

Тут я почувствовала, что на улице холодно, особенно мерзнут руки, и полезла в карман за перчатками…

Перчаток не было ни в кармане, ни в сумке. Их вообще не было. Дорогие, почти новые перчатки, я их купила перед самым отъездом в Америку. Еще в те безнадежно далекие времена, когда я могла покупать хорошие, дорогие вещи.

Я попыталась вспомнить, куда могла их деть. Если оставила у Васи в машине – это полбеды, Вася их найдет и отдаст…

Но тут я восстановила в памяти последний час и вспомнила, что дело обстоит куда хуже.

Выйдя с телеканала, я надела перчатки, это я точно помню. Потом… потом зашла в кафе, сняла их и сунула… куда же я их сунула?

Я наморщила лоб, припоминая.

Не в сумку, нет, я сунула их в пакет, в котором лежала та старая тетрадка в черном коленкоровом переплете, тетрадка из тайника.

Вот черт! Пакета-то у меня и не было.

Ну конечно, когда Вася позвал меня, я вскочила как ошпаренная, схватила сумку и побежала к выходу, а пакет забыла на стуле.

Значит, и тетрадка, и перчатки остались в том кафе. Так что о них можно забыть.

Ну, тетрадка ладно, интересно, конечно, что там дальше случилось, но у меня есть более серьезные проблемы. А вот перчатки… без перчаток я замерзну, еще

месяц точно будут стоять холода. А на новые у меня денег нет…

Тут я почувствовала настоящее отчаяние.

Ну что я за человек? Все забываю, все теряю, все у меня валится из рук! Немудрено, что меня никто и в грош не ставит, об меня все подряд вытирают ноги, начиная с собственного мужа и заканчивая мелкими телевизионными начальниками. Честно говоря, я ничего другого и не заслуживаю!

На меня накатила такая темная тоска, что впору разрыдаться… но как раз плакать-то я и не умею.

Руки совсем замерзли, и я поплелась домой… то есть в эту жуткую берлогу, которая стала моим единственным пристанищем. Там, по крайней мере, можно протопить печку и согреться. А может, сегодня не будут отключать отопление?

Я вошла в подъезд, разминулась со смуглым гастарбайтером, который скользнул по мне взглядом, как по неодушевленному предмету, поднялась на второй этаж и вставила ключ в замок.

Ключ долго не поворачивался, как будто он вообще не подходил к замку. Я уже решила, что в довершение всех моих несчастий перепутала ключи и теперь не смогу попасть домой, но тут замок наконец щелкнул и дверь открылась.

В коридоре было почти темно, но из-под моей двери выбивалась узкая полоска света.

Что за дела? Я что, уходя, забыла закрыть дверь? Или мой странный сосед Федя Чемоданов залез ко мне в комнату? Что ему там делать? Красть у меня совершенно нечего, к тому же Федя при желании мог сделать это гораздо раньше.

В два шага я прошла по коридору, толкнула дверь, вошла в свою комнату.

Комната была залита странным призрачным бледно-голубым светом, и в этом свете я увидела возле печки какую-то нелепую фантастическую фигуру – в черном облегающем комбинезоне, с пятном бледно-голубого света вместо

лица…

И тут в моей голове словно взорвалась бомба, и на меня обрушилась темнота.

Я пришла в себя от пронизывающего холода. И еще от странной тянущей боли в руках и ногах. Я попыталась пошевелить ими – и не смогла. Дернулась посильнее и почувствовала резкую боль в запястьях и щиколотках.

Только после этого я смогла приоткрыть глаза и с удивлением поняла, что сижу посреди своей комнаты на стуле, со связанными руками и ногами. Руки были стянуты за спиной, ноги привязаны к ножкам стула.

В комнате, как и прежде, царила странная голубоватая полутьма, в которой перемещались две черные фигуры. Одна из этих фигур направилась ко мне, и я инстинктивно закрыла глаза.

– Кажется, она приходит в себя, – проговорил женский голос, показавшийся мне смутно знакомым. – Нужно поторопиться… Ну, что там у тебя?

– Сейчас… – отозвался мужской голос. – Кажется, пошло…

Раздался треск.

Я открыла глаза. К счастью, женщина отошла от меня, присоединившись к своему напарнику. Они стояли возле печки, тайник был открыт, и мужчина держал в руках старинную жестяную коробку из-под леденцов.

Теперь я смогла разглядеть их.

Их было двое – как я уже поняла, мужчина и женщина. Они были одеты в одинаковые черные комбинезоны, а на голове у обоих были закреплены фонарики. Именно эти фонарики наполняли комнату мертвенным голубоватым светом. А оттого, что фонарики ярко светили прямо над лицами незнакомцев, разглядеть эти лица было невозможно, они превращались просто в тускло светящиеся овальные пятна, словно передо мной были не люди, а фантастические безликие существа, порождения ночного кошмара.

– Она пустая, – проговорил мужчина разочарованно.

– Не может быть, – процедила женщина, – где же оно?

Она вырвала жестянку из рук напарника, открыла ее и выругалась.

– Нас кто-то опередил, – произнес мужчина.

– Не может быть! – повторила женщина, тряся жестянку, как будто надеясь там что-то найти. – Не может быть! Учитель никогда не ошибается, а он сказал, что оно…

Вдруг она замолчала и повернулась ко мне. Я закрыла глаза, как будто это могло меня защитить.

– Может быть, это она… – начала женщина, но сама себе возразила: – Да нет, ерунда… она круглая дура…

Вот ведь как странно устроен человек! Я сама последние дни постоянно называю себя дурой, да еще и похуже, но когда меня обозвала какая-то посторонняя баба, я почувствовала обиду и злость. И даже хотела выпалить: «Сама дура!» – но, к счастью, вовремя прикусила язык, сообразив, что ни к чему хорошему это не приведет.

А эта зараза продолжала говорить, точнее, размышлять вслух:

– Когда она придет в себя, надо ее как следует допросить. Может, она все же что-то знает.

– Да откуда… – отозвался мужчина.

Он еще что-то хотел сказать, но не успел.

На пороге комнаты возникла еще одна фигура. У нее тоже не было лица, вместо него была маска с прорезями для глаз. Эта новая фигура перемещалась мягкими неуловимыми движениями. Низко пригнувшись, она метнулась к первым двум. Женщина, которая стояла ближе, вскинула руку, в которой был темный

продолговатый предмет. Раздался негромкий хлопок, что-то вспыхнуло – но стремительная фигура пригнулась, схватила женщину за руку, резко дернула…

В это мгновение напарник женщины схватил подвернувшийся под руку стул, попытался ударить им незнакомца, но тот опередил его, стул отлетел… и попал мне в голову.

От этого удара я снова потеряла сознание.

И снова пришла в себя от холода.

На этот раз в комнате было светло, и я лежала на своем диванчике. Возле меня суетился Федя Чемоданов. В руке у него был тазик с водой, он окунул в него тряпку, отжал ее и положил мне на лоб. Холодная вода потекла по лицу, затекла за воротник…

– Холодно же! – пробормотала я и попыталась подняться. У меня ничего не получилось.

– Лежи-лежи! – прикрикнул на меня Федя. – Может, у тебя это… землетрясение мозга.

– Сотрясение, – машинально поправила я.

– О, соображаешь! – обрадовался он. – Может, и ничего… вот сколько тут пальцев?

Он выставил передо мной три пальца, и я с удивлением заметила, что руки у него чистые и ногти аккуратно подстрижены. Что, в общем, нехарактерно для полубомжа вроде Феди.

– Десять, – проворчала я недовольно и все же села. – Что здесь произошло?

– Вообще-то, это я у тебя хотел спросить, – пробормотал Федор. – Прихожу домой – а у тебя дверь открыта, и ты лежишь на полу посреди комнаты… и тут такой разгром…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/natalya-aleksandrova/pryatki-s-ten-yu

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить